

18+ Тетерин

сборник рассказов

Павел Тетерин
Новый альбом

«Издательские решения»

Тетерин П. С.

Новый альбом / П. С. Тетерин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900555-7

Место действия — огромный, чудовищных размеров город. В каком-то параллельном пространстве и времени, совершенно невероятный... и вместе с тем имеющий до боли знакомые черты. 11 историй становятся для нас проводником сквозь эту реальность — жестокую и человечную, причудливую и повседневно-привычную одновременно. Связанные между собой, рассказы сплетаются в единое целое, позволяя читателю словно сквозь искривлённую линзу взглянуть на мир, ежедневно окружающий нас. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-900555-7

© Тетерин П. С.
© Издательские решения

Содержание

ШЛКВКЛ	6
БЛ	19
Слова	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Новый альбом

Павел Сергеевич Тетерин

© Павел Сергеевич Тетерин, 2017

ISBN 978-5-4490-0555-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ШЛКВКЛ

Ваня стоял на узком балкончике своей квартиры на сто семьдесят третьем этаже, помещивал ложкой чай в кружке и задумчиво смотрел вниз. Там в обе стороны уходящей за горизонт дороги бесконечными потоками ползли машины и шли по широким тротуарам люди. С высоты балкона люди казались мелкими цветными точками, сливающимися в одну сплошную пеструю массу, которая медленно, тягуче переливалась в пространстве.

«Словно огромная, кишачая куча насекомых», – подумал Ваня, поёжился от налетевшего порыва ветра, сделал глоток терпкого, горячего чая и вышел с балкона, плотно притворив за собой дверь. Поставив кружку на подставку возле монитора, он сел в кресло и открыл незавершённый проект в редакторе – вчера вечером ему в голову пришла новая мелодия, и он наспех набросал её на компе, уже прямо перед сном. Но сегодня что-то дело застопорилось – то ли задумка всё-таки была не очень, то ли пришедшее утром письмо слишком взволновало Ваню, сбив с рабочего настроения и вытряхнув из головы все остальные мысли.

Вдруг в коридоре громко зазвонил домофон. В тишине квартире противный, дребезжащий звук грубо резанул по ушам. Ваня подпрыгнул от неожиданности, затем нашарил ногами под столом тапочки, надел их и быстро прошёл к двери. Сняв трубку, он услышал потрескивание помех, сквозь которые всё-таки прорвался знакомый голос:

– Открывай, свои.

Ваня ткнул пальцем в большую клавишу на сенсорной панели, дождался характерного писка, затем сказал, почти вплотную прижав трубку ко рту:

– Лифт сломался, иди сразу к механическим.

Не услышав ничего в ответ, он подождал, когда писк замка стихнет, затем вернулся в комнату, сел на диван и снова взял в руки кружку. Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем загрохотала входная дверь, и на пороге квартиры появился Вахтанг.

– Ну наконец-то, блин. – Ваня прошёл к двери и пожал протянутую Вахтангом руку.

– Привет, бро! – Вахтанг, отдуваясь, улыбнулся своему товарищу.

– Я тебя уже заколебался ждать, – с лёгким укором в голосе проворчал Ваня, помогая другу снять с плеч рюкзак.

– А что такое? Что за спешка, чувак? – спросил Вахтанг, скинул куртку, сел и начал расшнуровывать ботинки.

Ваня, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял рядом, нависая над ним.

– Спешка по делу, – тут же ответил он. – Мне утром письмо пришло, от какого-то неизвестного типа. С предложением сотрудничать. Предложение, скажу я тебе, мощное, – он многозначительно покачал головой. – Но надо как следует обсудить – там всё не так просто. Вот я тебя и дёрнул, такие решения надо только вместе принимать.

– Ясно, – сказал Вахтанг, встал и прошёл в комнату. – Ну, интересно, что там у тебя за новости. Блин, дороги забиты к чертям, к вам на окраины пилить – четыре часа минимум, хоть я и живу относительно недалеко. Так что, я надеюсь, дело того стоило, – он многозначительно посмотрел на товарища.

Но у того на лице не было и тени сомнения. Казалось, эмоции просто распирают Ваню изнутри.

– Хорош тебе ныть, – с улыбкой сказал он и стал легонько подталкивать своего гостя к компьютеру: – Давай, садись, читай быстрее.

– Да погоди ты, дай хоть в себя прийти, – в шутку огрызнулся Вахтанг, но сам тут же плюхнулся в стоящее возле рабочего стола кресло.

Ваня открыл почту, быстро нашёл нужное письмо и навис над Вахтангом, сразу же углубившимся в чтение.

Прошло несколько минут в полной тишине – Ваня всё так же нетерпеливо переминался с ноги на ногу, Вахтанг читал, лишь изредка нарушая тишину пощёлкиванием мышки, пролистывая вниз страницу.

Дочитав до конца – письмо было не очень длинным, – Вахтанг откинулся в кресле и присвистнул:

– Да, это сильно. И что, ты думаешь, такое возможно? Или очередной псих? Нам же много всяких фантазёров уже писали. Чего только не обещали – помнишь, например, предложение отыграть концерт, а потом полетать на военных самолётах?

Ваня улыбнулся и пожал плечами:

– Помню, конечно. Как оно на этот раз – я не знаю, чувак. От нас, заметь, требуется только согласие и выбор трека. И всё. А дальше – если это всё правда, через несколько дней его увидит семь миллиардов человек. Весь город, ты прикинь? Ну, плюс минус пару миллионов, – добавил он и засмеялся, отчего немного чая из кружки в его руке пролилось на ковёр. Ваня чертыхнулся и пошёл на кухню за тряпкой.

– И что ты думаешь? – спросил он, вернувшись и пытаясь оттереть с ковра образовавшееся пятно.

– Ну круто, что тут сказать, – ответил Вахтанг, ещё раз просматривая письмо. – Только я не понимаю, как он собирается это сделать.

– А вот это мы можем выяснить уже через полчаса. – Ваня посмотрел на висящие на стене часы: – Мы договорились выйти на связь через скайп в полчетвёртого. Так что ты как раз вовремя, дружище.

– Отлично, – сказал Вахтанг, встал из-за стола и прошёл к окну, посмотрел вниз, затем вернулся. – Чаю-то хоть мне нальёшь?

– Конечно, – засуетился Ваня, – прости, я как-то сразу не догадался предложить.

Он вышел из комнаты в кухню и загрохотал посудой в мойке. Через пару минут он вернулся, неся в руках дымящуюся чашку с чаем и сахарницу.

– Вот, – Ваня поставил всё на край рабочего стола, придвинул ближе к себе стул и сел. – Я просто себе места не нахожу после всей этой ерунды, – он кивнул на компьютер. – Ты только представь, чувак, какое это промо! Да за такую возможность любой музыкант просто всё бы отдал. И после того как это случится, Вахтанг, в городе не останется человека, который хотя бы раз не видел наши с тобой лица. Кому-то понравится, кому-то нет, но увидят все, это точно. Прикинь? – Он замолчал и посмотрел на Вахтанга горящими от азарта глазами.

– Меня кое-что смущает: никогда не слышал, чтобы вообще такое делали, – с сомнением сказал Вахтанг. – Это с одной стороны. А с другой – если всё так, как он описал, то силовики тоже посмотрят наш видос. А если ему и впрямь удастся забраться так глубоко, как нам обещают, у них неизбежно возникнут к нам вопросы.

– Ну и что? Вопросы и вопросы, что такого, – отмахнулся Ваня.

– Ты, я смотрю, уже во всё поверил, как школьник, – ухмыльнулся Вахтанг и подмигнул другу.

Ваня, пропустив мимо ушей иронию, встал и начал нервно ходить по комнате:

– Ну конечно, чувак. Это же будет просто адский прорыв! А насчет силовиков и ментов – тут ты, конечно, прав. Но ведь саму атаку будем делать не мы, так? Это легко доказать – у нас ни квалификации, ни средств, ничего нет. Мы – два оборванца-музыканта, никому не известные особо, это как бы доказательств вроде не требует. И потом... – Ваня направил палец в потолок, что-то обдумывая. – Мы вообще можем сказать, что мы тут ни при чём, – немного погодя сказал он. – Что кто-то придумал, как хакнуть систему, а в качестве материала использовал наше видео! – Ванёк был явно доволен пришедшей ему в голову мыслью.

– Мы-то можем, – задумчиво протянул Вахтанг и шумно отхлебнул горячий чай из своей кружки. – Но вот поверят ли нам – это уже другой вопрос. Я думаю, даже если и поверят, пара месяцев головомойки и жизни под колпаком нам всё равно обеспечены.

– Ну и ладно. – Ваня, кажется, не хотел долго заикливаться на отрицательных моментах намечающейся акции. – Пусть. Я готов пару месяцев просидеть дома, ковырять музлу да на компе играть. Пусть устанавливают слежку и забывают себе диски сотней гигабайтов видеомусора, где я вот так же сижу, улыбаясь, и пью чай. Да и плюнут они на это дело в итоге, ничего не накопав.

– А если уберут? Возьмут и не станут даже разбираться, а? – вдруг высказал неожиданную и довольно мрачную мысль Вахтанг.

Но Ваня тут же отрицательно помотал головой.

– Чува-ак, – снисходительно протянул он, глядя Вахтангу прямо в глаза, – нас увидит весь город. Весь абсолютно. Я думаю, все, до последней занюханной кухарки, захотят узнать, что это за два небритых отморозка, только что бесцеремонно вломившиеся в их телефон, компьютер или навигатор. Или во всё сразу. Так что тихо убрать нас не получится точно. Разве что в самом начале. Да и вообще это чушь, – подытожил он, с вызовом глядя на Вахтанга. – Хорош тебе очковать.

– Ну хрен знает, – задумчиво скривился Вахтанг. – Я думаю, можем вляпаться всё-таки в неприятности.

– Да ладно тебе, – Ваня, теряя терпение, толкнул приятеля в плечо. – Это же наш шанс! Мы для чего музыкой занимаемся? Чтобы нас услышали. И вот тебе – круче возможности и не придумать. А кто не рискует – тот не пьёт шампанского.

– Я и так не пью шампанского. От него голова болит, – буркнул Вахтанг и улыбнулся: – Ладно, чего ты насел, дай посомневаться.

– Да сомневайся ты сколько угодно, – весело сказал Ваня и снова посмотрел на часы. – Пора, чувак. Пусти, я выйду в сеть.

Вахтанг уступил ему место в кресле у компьютера, и тот бодро зашелестел клавиатурой, запуская скайп. Теперь уже Вахтанг встал сзади и навис над креслом, внимательно следя за происходящим на экране.

– Так, пока никто не добавился, – с легким разочарованием сказал Ванёк, когда программа окончательно загрузилась. Он опять посмотрел на висящие на стене старомодные часы. Стрелки показывали ровно три тридцать.

– Ладно тебе, кто в наше время срок в срок приходит, – сказал Вахтанг, взял стоявшую возле стола отключенную бас-гитару, плюхнулся в глубокий диван у стены и начал задумчиво наигрывать какую-то мелодию. Не прошло и пяти минут, как раздался хорошо им обоим знакомый звук, и в углу экрана выскочило окошко скайпа:

MaxSpam просит добавить его в список контактов.

– Макс Спам? – хмыкнул Вахтанг, вздёрнув бровь. – Прикольное имечко. С юмором чувачок, кажется.

Ваня кивнул и нетерпеливо придвинул к себе клавиатуру, на которой бегло набрал:

– Привет. Мы в сборе, так что теперь можно обсудить твоё предложение в подробностях.

В окне мессенджера засветилась надпись – их загадочный собеседник печатал ответ. Меньше чем через три минуты на экран выскочило сообщение:

Хорошо. Так, парни, у меня мало времени. Ещё раз вкратце расскажу свою идею. Вы выбираете трек. Длительность – две минуты, не больше. Или пишете новый, это уж как вам угодно. Скидываете мне его на почту, с которой я вам писал первый раз. Потом удаляете всю переписку – поверьте, так будет лучше. И всё – через некоторое время я с помощью новой вирусной программы запускаю его во все экраны города. В каждое устройство, которое так или иначе подключено к сети, – телефоны, навигаторы, компьютеры, телевизоры и так далее. Трек просто выскакивает на экран и идёт, его нельзя ни выключить, ни остановить. Устройство не реагирует ни на кнопки, ни на команды, только если его принудительно перезагрузить. А потом всё возвращается на своё место – будто ничего и не было. На компе не остаётся никаких следов – всё нормально работает, как ни в чём не бывало. Каким образом я это сделаю – говорить не буду, да и ни к чему вам это знать. Спокойнее потом будет. Вкратце всё. Задавайте вопросы, если есть.

Дочитав, Ваня с Вахтангом переглянулись. Вахтанг наклонился, подвинул к себе клавиатуру и напечатал:

Скажи, а тебе-то это зачем?

Вопрос явно не застал хакера врасплох:

Мне нравится ваше творчество. Я его с удовольствием друзьям ставлю, сам слушаю. А сейчас мне надо проверить новую программу – почему не совместить приятное с полезным? И вам хорошо, и мне весело. Сделаем и посмотрим, что из этого выйдет.

Вахтанг довольно ухмыльнулся и вопросительно посмотрел на товарища. Теперь Ваня взял клавиатуру в руки.

Ясно. Когда надо сдать трек?

Компьютер едва слышно загудел, и через мгновение на экран выскочил ответ.

Чем раньше, тем лучше. Но вообще нас никто никуда не гонит, если вам нужно время – пожалуйста.

Ещё вопросы есть?

Ваня было занёс руки над клавиатурой, но потом опустил их, будто передумав. Удивительно, но вопросов в общем-то больше не было.

Ладно, тогда пока. Кстати, напишите мне свои номера. Так мы сможем держать связь по телефону, если что.

Ваня бегло набрал и отправил свой номер телефона, затем вопросительно посмотрел на Вахтанга. Тот кивнул, и он напечатал и его номер тоже.

До связи. Выбирайте трек и пишите на почту. Как у меня будет всё готово, я с вами свяжусь.

После этого иконка в списке контактов потускнела, и внизу выскочило окошко: «MaxSpam is offline». Сеанс связи, которого они с таким нетерпением ждали, закончился.

Встреча с хакером пролетела слишком быстро, если не сказать – стремительно. С одной стороны, ничего особо не прояснилось, но с другой – всё же и так было предельно понятно, разве нет?

– Ну, и что скажешь? – спросил Ваня Вахтанга, снова уютно устроившегося на диване.

Тот пожал плечами:

– Если всё реально – то это дико круто. Если нет – ну и ладно, жили без него раньше и дальше проживём. Но меня всё-таки заботит вопрос про реакцию властей. Это же довольно серьёзное преступление, поэтому надо хоть как-то подготовиться к встрече с ментами – а она точно будет, тут к без вариантов. Ты пойми, Ванёк, если и правда придумали такой вирус, это же чудовищное орудие пропаганды. Если что-то правильное показать и это все разом увидят, так же вообще можно революцию сделать.

– Ну да, – просто согласился Иван. – Конечно, можно. Об этом и речь, – он хитро улыбнулся.

– Ты собрался сделать революцию? – подняв бровь, поинтересовался Вахтанг.

– Да не, – отмахнулся Ванёк. – Это слишком сложно, да и непонятно, зачем оно надо. А вот как-то встряхнуть всех, и людей, и власть, – почему бы и нет? А то слуги народа у нас совсем распоясались в последнее время. Всё, что мы видим, – это как наглухо тонированные кортежи катаются взад-вперёд по трассам, да выступления разных важных лиц по телику. И всё. Такое ощущение, что больше в правительстве никто ничего и не делает. Хочется как-то это болото расшевелить.

Вахтанг задумчиво почесал бороду.

– Почему бы нет... – задумчиво протянул он и усмехнулся: – Блин, я начинаю чувствовать себя героем какого-то фильма про хакеров-экстремистов.

Ваня засмеялся:

– Да уж. А может, мы и есть теперь герои такого фильма? – Он потянулся и сцепил руки за головой. – Ладно, посмотрим. Будь что будет, а?

– Ну да, – согласился Вахтанг, встал, подошёл к окну и скривился, опять увидев мрачную пробку на дороге. – Блин, надо ехать, – вздохнул он. – У меня сегодня ещё дел невпроворот, не день, а сплошной ахтунг.

– Тогда я сам выберу трек? – Ване явно не терпелось начать хоть что-нибудь делать. – Я тебе вечером напишу тогда, какой, ну и решим. Окей?

– Ну давай, – уже из прихожей откликнулся Вахтанг, копясь в своём рюкзаке. Собравшись, он обулся и на секунду замер возле входной двери, вспоминая, не забыл ли чего.

– Кстати, лифт не работает, помнишь? – сказал Ваня, выходя в коридор, чтобы проводить друга.

– Да ладно, вниз-то можно и по трубе съехать, – отмахнулся Вахтанг.

– Ну давай. На связи. – Они обнялись, и Вахтанг, щелкнув замком, выскользнул в подъезд.

Дверь захлопнулась, и Ваня вернулся к себе в комнату. В голове крутился вихрь самых разнообразных мыслей – предстоящая затея невероятно будоражила и вдохновляла его. Заранее узнать, что произойдёт, когда они провернут всё это, практически не представлялось возможным – но именно это, в том числе, так привлекало его. Будет что-то грандиозное, но что... Увидим потом. Только поскорей бы.

Чтобы хоть как-то отвлечься, он включил телевизор и с ногами забрался на диван. По ящику показывали обычный ежедневный мусор. Ваня щёлкал кнопками, не задерживаясь ни на одном канале дольше пары секунд – «Содом-2», потом какие-то кровавые полицейские разборки, затем пошли бесчисленные каналы с одинаковыми приторными клипами и передачами для унылых недалёких домохозяек. Он щёлкал кнопками, без сожаления проматывая этот нескончаемый поток яда для мозга.

А вот, кстати, забавное шоу – в одну большую тусовку собрали писателей и режиссёров. Один пишет книгу, потом по ней снимают кино. После чего второй писатель, книги не читавший, по фильму снова пишет книгу, и уже другой чувак снимает по ней кино. Тоже, соответственно, не видя предыдущего. Делают всё очень быстро, и порой забавно получается – начинают за здоровье, а заканчивают за упокой. Сейчас на экране разворачивался не самый интересный этап передачи – сидящие в кругу люди оживленно обсуждали очередной творческий выкидыш, который только вчера показали общественности. Мнения, как обычно, разделились: одни говорили, что это новое слово в искусстве, другие, напротив, плакались, что наша культура зашла в тупик и всё совершенно ужасно.

Несколько минут посмотрев телик, Ваня выключил звук, оставив только картинку, и снова сел за компьютер. Чего тянуть? Песни и клипы все лежат тут, на жестке, и выбрать из них подходящий – простейшая задача. Надо просто перестать сомневаться, решить, какой взять, и всё. Пять минут работы. Ваня открыл папку, в которой хранил видеофайлы, и углубился в просмотр.

Через полчаса он уже звонил Вахтангу. Тот не успел далеко уехать – теоретически его ещё можно было разглядеть с балкона в одной из машин-точек, стоящих в многокилометровой пробке, которая начиналась прямо под окнами.

– Ну что, я отправляю трек? – спросил Иван, после того как они минут десять обсуждали предложенные варианты и остановились на одной из последних песен, к которой успели снять неплохое видео со знакомым режиссёром. Трек длился как раз ровно две минуты, да и вообще подходил идеально – не слишком жёсткий, но и без особой лирики и соплей.

– Да, давай, – сказал Вахтанг. – А потом сообщи, когда придёт ответ. Ладно, чувак, у меня вторая линия, пока, на связи. Отправляй, в общем, – и он поспешно отключился.

Ваня открыл почту, нашел письмо от хакера и ещё раз просмотрел его, будто хотел увидеть там что-то, ускользнувшее от его внимания при первом прочтении. Но в письме не появилось ничего нового – только предложение хакера, такое простое, с одной стороны, и такое невероятное и многообещающее, с другой. Он пролистал страничку обратно и нажал клавишу «Ответить». Прикрепив к письму видеофайл с клипом, он подождал, пока сообщение отправится. Наконец конвертик на экране свернулся и улетел в угол экрана с характерным похрустыванием. После этого Ваня, как и договаривались, удалил всю переписку из ящика.

Готово.

Он удовлетворённо откинулся в кресле, чувствуя, как приятно разбегается по телу каким-то особенным электричеством ощущение предстоящих приключений, затем встал и снова удобно устроился на диване.

Предыдущая передача закончилась, и теперь на экране развернулось очередное действие – одно из заполонивших телеканалы предвыборных ток-шоу. Звук по-прежнему не было, и Ваня в уютной тишине квартиры наблюдал, как сидящие за одним длинным столом кандидаты машут руками, что-то оживленно обсуждая. Один из них особенно усердствовал: вскочив с красным лицом со своего места и явно вопя что-то непотребное, он тыкал в остальных обвиняющее выставленным пальцем. В немом варианте это смотрелось особенно забавно.

«Кстати, а ведь нашу акцию могут за уши притянуть к предвыборной суматохе», – вдруг промелькнуло у Вани в голове. Каким именно образом, непонятно, но сейчас такое время – все мало-мальски значимые происшествия так и норовят приткнуться туда, куда надо кандидатам. Даже те, что к политике вообще никакого отношения не имеют. Ну что ж, тем интереснее будет наблюдать за развитием событий. Так что посмотрим – может быть, ещё доведётся получить от этих разбушевавшихся на экране деятелей какое-нибудь коммерческое предложение. Хотя, конечно, сам хакер им будет гораздо интересней. Ведь повторить такой же масштабный заброс, только не с какой-то там песенкой, а со своей предвыборной ерундой – все они об этом только и мечтают, это же факт.

Ваня выключил компьютер, прошёл на кухню, там налил себе ещё чая и направился в любимое место своей квартиры – на маленький балкончик в гостиной. Ему нравилось стоять здесь, оглядывая исполинскую махину города, раскинувшегося перед ним.

Вид внизу остался практически без изменений – всё те же миллионы ползущих в обе стороны машин и людей, привычная картина живущего своей жизнью мегаполиса. Рассматривая пёстрые точки машин, Ваня представил себе, как на мониторах внутри каждой их них однажды внезапно врубится их с Вахтангом песня, и недоумевающие водители будут тыкать в кнопки на приборной доске, пытаясь образумить взбунтовавшуюся систему. Интересно, можно ли будет в этот момент заметить что-нибудь отсюда? Вряд ли – высота слишком большая. Останавливаться они скорее всего не начнут, так что для потока машин ничего не изменится. А вот с семенящими по тротуарам людьми другая история – они могут каким-то образом понять, что со всеми телефонами происходит что-то странное. Ну хотя бы часть из них сообразит... правда, телефоны у всех обычно в сумках... Ладно, короче, хрен знает. Чего тут гадать.

Однако Ваня продолжал стоять и фантазировать, воодушевлённо глядя вниз. Что-то подобное, наверное, чувствовали древние полководцы, стоя перед крепостными стенами очередного осажденного города вместо со своими войсками. Вот только город сейчас расстилался внизу, а не возвышался над Ваней, а войско состояло всего из трех человек – они с Вахтангом, да ещё этот таинственный компьютерный маньяк. А вместо осадных орудий и толстенных брёвен для сокрушения ворот – один-единственный видеофайл, уже отправленный их загадочному напарнику на почту. Набор единичек и ноликов, способный оказаться мощнее любых мечей и стрел.

Но его должно вполне хватить, чтобы город покорился им.

* * *

Следующие несколько дней Ваня провёл как на иголках. Он ковырялся в компьютере с музыкой, изредка выбирался из дому на свою ненавистную работу, ел, спал, но по-настоящему занимало его только одно: когда же случится обещанная незнакомцем акция. Но хакер молчал, не проявлялся ни в скайпе, ни по почте, и в голову начинала закрадываться мысль – всё это было очередной безумной идеей какого-то психа, на которую Ваня повёлся, как наивный дурачок. Да и вообще, слишком уж заманчиво и просто всё выглядело. Как он мог так легко поверить в этот сказочный план? Но надежда умирает последней, и Ваня продолжал ждать – пусть и не так остро, как в самом начале всей этой истории.

Вот и сегодня он, вернувшись домой после ночной смены, наскоро поел, а затем тут же сел к компьютеру. Но там было всё тихо – как обычно, несколько жидких сообщений от немногочисленных поклонников творчества, изрядная порция спама в ящике и сиротливо молчащий скайп. Никаких новостей. Разочарованный и уставший, Ваня добрёл до дивана, рухнул на него и закрыл глаза. Он всю ночь проторчал на своей унылой работе, упаковывая бритвы в подарочные коробочки по случаю надвигающихся праздников, изрядно намёрзся на складе, вымотался как собака – поэтому и сам не заметил, как погрузился в глубокий беспробудный сон.

Проснулся Ваня резко, будто чья-то невидимая рука выдернула его обратно в реальный мир. Он сел на диване и потёр глаза. Солнечный свет заливал комнату, часы показывали полдень, и вкупе с ощущением недосыпа всё это порождало странное, сюрреалистическое состояние какого-то безвременья: спать хотелось совсем по-ночному, но яркое солнце за окном убедительно говорило об обратном – что сейчас день в самом разгаре.

Ваня протянул руку, взял лежащий рядом на диване телефон и разблокировал его. На экране высветилось:

Пропущенных вызовов – 26.

Непрочитанных сообщений – 17.

Недоумённо моргнув, Ваня открыл последнее из лежавших в ящике сообщений. Оно было от старого знакомого из университета, с которым они не виделись уже, наверное, пару лет.

Привет, Ванёк! Чё это за приколы такой? Видос кстати ничё, порадовал. Как сам?

Ваня, всё ещё плохо соображая, что происходит, открыл следующее сообщение. Оно было от одной девчонки – недавно познакомились с ней в одном из мелких клубов, где им с Вахтангом довелось выступать.

Ванька, поздравляю! Только что видела вас по МузТВ, прямо посередине какой-то передачи. Потом ведущие в эфире извинялись – мол, ошибка в эфире. Так задумано было? Но вообще прикольно, молодцы. Вахтангу привет, в «Трубку» не собираетесь в ближайшее время?

Ваня пролистал ещё несколько сообщений, и все они, хоть и по-разному, говорили об одном. Сон сняло как рукой.

Вот оно.

На какое-то мгновение его охватило чувство разочарования – он так ждал этого момента, хотел насладиться им, и всё проспал, как медведь в берлоге. Но он ведь и подумать не мог, что всё случится так внезапно, совсем без предупреждения. Разочарование быстро прошло, уступив место чистой, искрящейся радости – случилось! Случилось, чёрт подери! Хакер, кто бы он ни был, сделал это. Да, Ваня пропустил сам момент, но какая разница? В конце концов, хакеру виднее, когда лучше запускать свою программу. Главное – он это сделал, и лежащий в руке телефон с кучей сообщений и пропущенных вызовов лучшее тому доказательство.

Надо срочно позвонить Вахтангу, подумал Ваня, открыл записную книжку и начал нетерпеливо искать его номер. Наконец найдя, он нажал кнопку вызова и приложил трубку к уху.

– На вашем счёте недостаточно средств, – произнёс в динамике вежливый механический женский голос.

Чертыхнувшись, он сбросил вызов, вскочил с дивана и начал собираться. Надо сбегать на улицу, кинуть денег на телефон, потом звякнуть Вахтангу, а там уже решать, что делать дальше. Такое событие надо будет отпраздновать, тут и к бабке не ходи.

Наспех натянув куртку, Ваня выскочил из квартиры, не оборачиваясь, захлопнул за собой дверь и пошёл в сторону лифтов, на ходу роясь в карманах в поисках мелких купюр, которые можно скормить терминалу для оплаты мобильной связи.

На лестничной площадке было пусто и тихо, лишь негромко жужжала в одной из соседних квартир дрель – кто-то уже вторую неделю делал ремонт на их этаже. Нажав общую кнопку вызова, Ваня принялся нетерпеливо ходить мимо закрытых створок, поджидая кабину. Через минуту двери одного из лифтов раскрылись, и он шагнул в тесное темноватое пространство, нос к носу столкнувшись с молодым парнем в сером деловом костюме и с дипломатом. Парень, бросив на Ваню неприветливый взгляд, сделал пару шагов назад, освобождая место.

– Вам вниз? – спросил Ваня, когда двери лифта с едва заметным жужжанием захлопнулись.

– Да, – буркнул в ответ парень и нетерпеливо нажал и без того светящуюся клавишу первого этажа.

Кабинка тронулась и медленно подалась вниз. Вдруг через несколько секунд что-то щёлкнуло, и они остановились. Было слышно, как замирают где-то в шахте моторы, приводящие в движение лифт, после чего на несколько секунд повисла абсолютная тишина.

– Бл... ь, – выругался Ванин сосед и сразу же начал истерично тыкать во все кнопки сразу. – Что за день... Этого только не хватало... – бормотал он себе под нос, после чего вдруг поставил дипломат на пол и два раза громко ударил кулаком по пластиковой обшивке двери.

Ваня молча наблюдал за парнем, спокойно дожидаясь, что же произойдёт дальше. Чтобы хоть как-то сбить нарастающее напряжение, он кашлянул и негромко спросил:

– Сильно торопитесь?

– Не то слово, – буркнул в ответ парень, даже не удостоив его взглядом. – Опаздываю на самолёт. И так пришлось вернуться, компьютер забыл, а теперь... – Он снова начал с силой нажимать на кнопки. – Чёрт, надо было по трубе съехать...

– Ну ладно вам, не переживайте, – попытался успокоить своего попутчика Ваня. – С ним такое бывает, сейчас должен поехать.

В его планы тоже не входило торчать тут с каким-то дёрганным офисным клерком, но вообще сейчас ему было всё равно – сегодня же великий день, который изменит его жизнь навсегда. Так что его не особо расстраивала перспектива немного подождать, пока лифт либо сам оживёт и тронется с места, либо – что, конечно, значительно хуже – когда их вытащат отсюда. Кстати, клерк, видимо, один из тех, кому всё-таки не довелось против воли посмотреть их с Вахангом видео. По крайней мере, у Вани он ничего не спросил – или просто был настолько запарен своими делами, что не узнал его. Да это, в общем-то, и не важно.

– Сейчас поедет, наверное, – задумчиво сказал Ваня и слегка попрыгал, раскачивая кабину.

Клерк бросил на него сердитый взгляд и ещё раз саданул рукой по двери, потом задрал голову и громко крикнул в потолок:

– Эй, кто-нибудь! Помогите открыть дверь, мы застряли тут! Эй!

В этот момент, будто его безадресный вопль достиг чьих-то ушей, щёлкнул какой-то механизм, индикатор этажей моргнул и засветился вновь, а кабина, скрипнув, медленно тронулась вниз, постепенно набирая скорость.

– Ну вот видите, – сказал Ваня.

Он тоже был рад, что все разрешилось, – парень явно на взводе, и торчать с этим неуравновешенным персонажем в тесной кабине Ване не особенно улыбалось.

Но нервный сосед уже отвернулся и встал почти вплотную к двери, будто забыв про Ваню и думая, видимо, только об одном: как он сейчас выскочит первым и бросится в город по каким-то своим ультраважным делам. Что ж, пожалуйста, Ваня не будет ему мешать.

Остаток поездки они провели молча. Как только лифт плавно остановился, клерк рванулся вперёд, протиснулся между едва раскрывшимися створками и почти бегом припустил к выходу из подъезда.

Ваня проводил его взглядом и медленно двинулся следом. Недавнее возбуждение уступило место расслабленности; ему не хотелось торопиться, поэтому он спокойно прошел мимо стены с почтовыми ящиками, спустился по лестнице, плечом толкнул тяжёлую входную дверь и вышел на улицу. Прямо на крыльце на него налетел порыв ветра, сорвавший с головы капюшон, – осень в этом году наступила рано, и уже заметно похолодало. В шортах и майке, как обычно в сентябре, ходить было совершенно невозможно. Ваня плотнее закутался в куртку и спустился по ступенькам, краем глаза заметив, как клерк усаживается в стоящее неподалёку такси. Нагнув голову против ветра, Ваня пошёл по тротуару в сторону ближайшего магазина, где стоял платёжный автомат.

На улице было относительно безлюдно – насколько это вообще возможно для спального района посреди дня. Большинство живущих тут людей сейчас торчали на работе; мамы с детьми, побоявшись холода и сильного ветра, вероятно, предпочли остаться дома, поэтому навстречу ему попадалась либо молодёжь, пока свободная от работы, либо местные калдыри. Обогнув очередного неряшливо одетого старика, Ваня свернул за угол и двинулся мимо сплош-

ного ряда припаркованных возле тротуара автомобилей. Навстречу ему прошла какая-то молодая пара, и он внимательно посмотрел на них – может быть, эти узнают его? Но парочка миновала его, о чём-то оживлённо разговаривая между собой. Проводив их взглядом, Ваня продолжил путь. Может быть, всё вышло не так масштабно, как описывал им хакер? Ладно, пока что ещё рано делать выводы. Что-то произошло точно, а что именно – он сейчас поймёт. Немного подождём.

Он задумчиво шёл по тротуару, огибая припаркованные автомобили, раздумывая о том, кому он позвонит ещё, когда кинет денег на счёт. Он совсем не глядел по сторонам, погружённый в себя, поэтому абсолютно не заметил большой тонированный минивэн, стоявший в ряду прочих машин возле тротуара. Но когда Ваня поравнялся с ним, дверь фургона вдруг резко распахнулась, преграждая ему дорогу, и два одетых в черное человека, появившиеся словно из-под земли, одним рывком втащили его внутрь. Ваня не успел ни крикнуть, ни посмотреть на лица людей – настолько стремительно всё произошло. Мотор машины тут же завёлся, и она плавно тронулась с места, выехала на проезжую часть и неспешно покатила вдоль обочины.

Внутри фургона было темно, и глаза, ещё не отвыкшие от уличного цвета, не могли разобрать абсолютно ничего. Четыре руки крепко, железной хваткой держали Ваню с обеих сторон, поэтому о какой-то борьбе и речи быть не могло. Ваня, замерев, слушал, как колотится в груди сердце и ждал, что будет дальше.

– Здравствуй, Иван, – раздался спокойный, даже какой-то вкрадчивый голос откуда-то спереди, примерно в метре от Вани. Прищурившись, Ваня смог разглядеть силуэт вопрошающего на фоне глухо тонированного стекла, отделявшего салон машины от кабины водителя. Внутри просторного фургона находилось ещё как минимум три человека – кроме тех, что держали его за руки. Вот тебе и кино про хакеров, стремительно пронеслось в голове. «Жаль, конечно, что я не накачанный красавчик-герой, который сейчас отмудохал бы всех похитителей да ещё и фургон бы угнал», – подумал Ваня. Увы, до героя ему было далеко – сердце трепыхалось в груди, как перепуганный кролик, а по телу противными мурашками разбежался страх. И, хоть они совсем недавно спокойно обсуждали с Вахтангом подобное развитие событий, сейчас Ваня понял, что в жизни это всё выглядит намного неприятнее, чем ему казалось.

– Что всё это значит? Кто вы? – тихо сказал он, пытаясь унять дрожь в голосе и говорить как можно увереннее. Получилось не очень.

– Ты понимаешь, почему ты тут оказался? – спросил всё тот же голос, проигнорировав вопрос. Его невозмутимый тон вызывал крайне неприятные ассоциации – казалось, с тем же спокойствием этот человек сможет убить человека и забудет об этом уже через десять минут.

– А где – тут, можно спросить? – позволил себе съехидничать Ванёк.

– В спецмашине федеральной полиции, – тут же ответил его невидимый собеседник. В голосе говорившего зазвучала легкая усмешка. – У нас есть к тебе вопросы, Иван.

– Не понимаю, о чём вы говорите, – постаравшись сделать свой голос как можно более убедительным, сказал Ванёк. – Я просто шёл в магазин за хлебом, а оказался вдруг в вашей машине, по непонятной мне причине. И требую объяснений, – последнюю фразу он постарался произнести с вызовом.

Силуэт негромко засмеялся. В почти полной темноте фургона это прозвучало довольно зловеще, и Ваня почувствовал, как по телу опять пробежали мурашки. Кажется, Вахтанг был прав – он недооценил опасность затеи, в которую они ввязались.

– Ладно, мы можем долго ходить вокруг да около, – продолжил голос, резко оборвав смех. – Ваша выходка, как вы понимаете, не могла остаться незамеченной нами. Учитывая её масштаб. И теперь к вам есть много вопросов почти у каждого жителя города. Но сперва с вами побеседуем мы. Для того чтобы потом быть уверенными, что на остальные вопросы вы будете давать правильные ответы. Я понятно выразился?

– Ну, э-э, не совсем, – уклончиво ответил Ваня.

На самом деле, всё было понятней некуда. Но ему хотелось хоть как-то потянуть время, чтобы собраться с мыслями. Ваня вдруг понял, что совсем не готов к подобной встрече. По правде говоря, ему вообще не верилось, что их свинтят. Тем более – так быстро.

– Ладно, у нас будет время прийти к общему пониманию ситуации, – сказал Ванин невидимый оппонент и замолчал. Видимо, основной разговор должен был состояться в другом месте.

Повисла тягостная тишина – лишь шуршание шин фургона и негромкое сопение сотрудников справа и слева долетали до Ваниных ушей. И в этот момент он понял, как крепко влип. Стало по-настоящему страшно – на что способны силовики, у нас знает каждый. А ведь скоро выборы – время и вовсе тёмное, наполненное событиями, истинную подоплёку которых знают далеко не все. Любое значимое происшествие обязательно толковалось в пользу тех или иных сил, и что-то непонятное, нарушающее привычный ход вещей, в этой сложной и грязной игре абсолютно исключалось.

Они ехали молча уже минут десять, когда у сидевшего напротив него в темноте копа, судя по всему, главного, вдруг зазвонил телефон. Ваня, погрузившийся в свои мрачные раздумья, чуть не подпрыгнул, услышав резкий пронзительный звонок.

– Да, – коротко ответил коп.

Глаза немного привыкли к темноте, и теперь Ваня мог кое-как разглядеть обстановку. Сейчас он уже видел коротко стриженную голову главного с прижатой к правому уху телефонной трубкой, но лицо по-прежнему оставалось в тени.

– Мы его взяли, едем, – процедил главный. – Всё в порядке. Скоро начнём.

Ваня, услышав последние слова, почувствовал, как у него что-то сжалось внизу живота. Тон, которым была сказана фраза, был абсолютно будничным, но вот это «начнём» явно не сулило ему ничего хорошего.

Трубка что-то оживлённо забормотала в ответ, видимо, что-то очень важное и неожиданное, потому что голос сидевшего напротив Вани копа вдруг резко переменялся.

– Как – отпустить? – разочарованно спросил он.

Голос в трубке заговорил ещё резче – видимо, у звонившего не было времени разжёвывать свои указания.

– Ясно, – отчеканил в ответ главный, убрал руку с телефоном от уха и повернулся к водителю, показав благодаря этому Ване свой профиль – лицо у него было грубое, с приплюснутым носом и низким лбом. Настоящий палач, пронеслась у Вани в голове неприятная мысль.

– Останови, – нехотя буркнул главный водителю.

Машина резко затормозила. Ваню слегка бросило вперёд, но руки державших его полицейских напряглись, не дав ему свалиться с сиденья.

– Выпустите его, – бесцветным голосом сказал главный в темноту фургона.

Ваня не верил своим ушам. Казалось, что главный уже думает о чём-то совершенно другом, и молодой музыкант, по-прежнему дрожащий напротив него, ему больше совершенно не интересен.

Дверь фургона резко распахнулась, в глаза Ване ударил яркий солнечный свет, и руки, до этого крепко державшие его, вдруг с силой толкнули Ваню вперёд. Не успев переставить затёкшие от долгого сидения ноги, он запнулся и полетел прямо на асфальт, едва успев выставить вперёд ладони. Он упал, больно ударившись коленками, затем, всё ещё плохо соображая, что происходит, повернул голову вправо и увидел грязный бампер фургона, стремительно удаляющегося от него по дороге. Через несколько метров минивэн перестроился и потерялся в потоке машин.

По-прежнему с трудом соображая от нелепости произошедшего, Ваня встал, отряхнул коленки и осмотрелся по сторонам. Слева от него возвышались незнакомые дома, уходившие под облака, а справа ревели моторами не очень широкая, всего на шесть полос, захолустная

дорога чужого района. Поискав глазами хоть какой-нибудь ориентир и не найдя его, Ваня медленно зашагал в сторону домов, пытаясь унять дрожь в теле и осмыслить то, что с ним случилось несколько минут назад. Мысли путались, никак не желая складываться в хоть какую-то цельную картину. Что это было – лишь устрашающая акция? Вряд ли, какой в ней смысл. Его отпустили, но потом за ним вернуться? Тоже маловероятно, проще тогда было кинуть его где-нибудь в камеру, а потом уже допрашивать, если сейчас этого не позволили неотложные дела.

Или кто-то там, наверху, решил, что просто не стоит тратить на него время?

В общем, гадать можно было сколько угодно. Ваня, постепенно приходя в себя, шагал по узкой и заваленной летевшим с дороги мусором обочине, шурился от солнца, вдыхал полной грудью пропитанный гарью воздух и чувствовал, как по телу приятным теплом разбегается слабость, пришедшая на смену только что пережитому им напряжению. Он свободен, чёрт возьми, и все только что случившиеся с ним события уже начали казаться чем-то совсем неправдоподобным. Если бы не незнакомые дома вокруг, он и вовсе мог бы подумать, что ему померещились и минивэн, и крепкие руки людей в штатском, и ледяной голос типа с приплюснутым носом. Сунув руку в карман, Ваня нащупал свой мобильник и потянул его наружу. Внезапная мысль озарила его, заставив резко остановиться.

Вахтанг. Он ведь тоже был на видео, и наверняка они взяли и его. Кто там наверху будет разбираться в таких тонкостях, кто фронтмен, а кто нет? В кадре они оба, так что вероятность, что Вахтанг тоже попал, очень высока.

Ваня отыскал в набранных номерах телефон Вахтанга и нажал клавишу вызова.

– На вашем счёте недостаточно средств, – отчеканил голос в динамике.

Ваня, едва слышно чертыхнувшись, набрал код вызова за счёт абонента.

Прошло минут десять, прежде чем Вахтанг перезвонил.

– Алё. – Голос казался осипшим и ватным. Похоже, Вахтанг спал.

– Меня только что приняли, братан, – не размениваясь на долгие предисловия, просто сказал Ваня.

– Да ну? – Вахтанг, кажется, резко проснулся. – Ты чё?! И где ты сейчас?

– Чёрт знает, иду по улице в каком-то спальнике, – ответил Ваня, улыбаясь самому себе.

Происходящее начинало веселить его. – Меня уже отпустили.

– Да ладно? Ты шутишь что ли?

– Не, я серьёзно, – ответил Ванёк. – Затолкали в фургон, покатали минут двадцать, и всё.

Вышвырнули наружу, и дело с концом.

– Как? И всё? – В голосе Вахтанга послышалось разочарование. – А спрашивали чё?

– Ничё! – весело ответил Ваня и рассмеялся. – Я сам до сих пор поверить не могу, чувак!

Просто прокатили и выкинули, как щенка. Главному – он, кстати, даже не представился, – позвонили, и всё. Меня на улицу, а тачка уехала.

– Ну ты даешь, брат! – Настал черёд Вахтанга рассмеяться. – Так а за что?

Повисла пауза. Ваня вдруг сообразил, что Вахтанг, возможно, ещё не в курсе, что долгожданное событие случилось.

– Ты не понял, за что? – вкрадчиво спросил он.

– Ну... – начал говорить Вахтанг и вдруг резко осёкся. Кажется, до него дошло. –

Постой, – изменившимся голосом сказал он. – Случилось что ли?

– Ну да, – Ваню опять распирало от радости. – Не обманул незнакомец-то.

На том конце провода Вахтанг, кажется, пустился в пляс.

– Круто, Ванёк! – проорал он, немного упокоившись. – Так и что – пронесло нас? Это и вся плата за такую шалость?

– Наверное, – ответил Ваня. – Сейчас только до дома доберусь – и всё, можно будет забыть про этот сраный фургон к чертям.

– Раз такое дело, может, повторим? – весело предложил Вахтанг, и в этот раз рассмеялись оба.

Ване, после пережитого стресса, смеяться было как никогда приятно и легко.

– Не, не хочу – сказал он, отсмеявшись. – Тебя всё-таки в фургоне не катали, тебе легко говорить.

– Ладно, ладно, – сказал Вахтанг. – Слушай, тебе помощь-то нужна?

– Не знаю, – ответил Ваня и огляделся по сторонам. Местность по-прежнему была для него незнакомой. – Давай я выясню, куда меня завезли, а потом перенаберу если что, окей?

– Давай, – согласился Вахтанг, и в трубке зазвучали короткие гудки.

Ваня убрал телефон обратно в карман, поплотнее закутался и пошёл дальше – вдоль покрытого толстым слоем пыли дорожного леера, отделявшего шоссе от жилых массивов. Через несколько метров леер кончился, и Ваня свернул влево, взяв курс на небольшое нагромождение киосков, примостившихся у одного из небоскрёбов. Там же сновали рядом фигурки людей – у них-то и можно будет узнать, куда его завезли.

Загадочная, конечно, история, думал он, неспешно шагая к палаткам. Всё-таки власти у нас весёлые – то у них одно на уме, то другое. Никогда не знаешь, что в следующий момент будет. Как правило, это плохо, но в некоторых случаях – вот как сегодня – очень даже и хорошо. Жаль только, что никогда не предугадаешь, как обернется дело в следующий раз. Но сейчас ему грех жаловаться, это точно.

Ваня, широко улыбаясь, подошёл к ближайшему киоску и постучал в закрытое окошко, раздумывая, чем он хочет закончить этот прекрасный солнечный день.

БЛ

Если в парке лечь прямо на траву спиной, закинуть руки за голову и смотреть вверх, будешь видеть только небо над собой да редкие ветки деревьев, попадающие в поле зрения.

Ветки – чёрт с ними, они совсем не мешают. А небо – небо всегда бесконечно далеко. Оно, наверное, единственное, во что ему не придётся рано или поздно упереться головой в этом городе. Поэтому Стёпа мог лежать так по часу, а то и больше – главное, чтобы на улице было достаточно тепло и сухо, потому что его старая одежда уже сильно прохудилась в паре мест, а если её вдобавок ещё и промочить, на следующий день, скорее всего, придётся сидеть дома. Если, конечно, кто-нибудь из общаги не одолжит штаны и футболку.

Но сегодня стояла отличная погода и небо было как никогда высоким и пронзительно синим – лишь кое-где медленно ползли белые хлопья облаков. Одно, похожее на гигантский пузатый чайник, уже почти скрылось из виду, а второе – бесформенный кусок сахарной ваты – как раз проплывало над ним, подкрадываясь к солнцу. Стёпа лежал, жмурился от ярких лучей и думал. Думал обо всём понемногу – мысль вяло перескакивала с одной темы на другую, сильно не задерживаясь ни на чём, но в целом на душе было довольно легко и хорошо. Нечасто в последнее время удавалось поймать такое настроение.

Стёпа пошарил по траве рукой, нащупал свой телефон и поднёс его к глазам. Почти четыре часа. Вздохнув, он потянулся, затем резко подогнул колени и сел на траве.

Мир вокруг тут же развернулся, превратившись в то, чем и являлся на самом деле, – маленьким, довольно безлюдным парком на окраине города. Неподальёку по дорожке неспешно прогуливалась старушка с внуком. Увидев сидящего в траве Стёпу, она повернула и медленно засемила в противоположную сторону. Стёпа помрачнел.

В последнее время он сталкивался с такой реакцией людей всё чаще. Что поделать, он рос, и его особенность с каждым днём становилась всё заметнее. А большинство людей не любят и боятся гигов – это он знал уже давно, но только теперь ему постепенно приходилось всё чаще ощущать эту нелюбовь на своей шкуре.

Он встал и начал отряхивать одежду от прилипших мелких травинок и старых сухих листьев, затем подобрал свою сумку с учебными принадлежностями и медленно зашагал в сторону дома.

От парка до общежития было совсем недалеко – пешком можно дойти максимум за двадцать минут. Стёпа, не торопясь, шёл по едва заметной тропинке и смотрел по сторонам. Парк быстро закончился, и сейчас Стёпа пересекал довольно большой пустырь, покрытый редкими, жмущимися друг к другу кустами и кучками мусора, разбросанными в невысокой траве.

Через несколько минут, обогнув густо поросший молодыми деревцами овраг, он увидел громаду своего общежития. Хоть Стёпа и был студентом, поселили его, конечно, не в обычной университетской общаге, где обитало большинство его однокурсников. Он жил в здании старого заброшенного завода, одиноко стоящего в грязной промышленной зоне на окраине города. Одной стороной завод выходил на железную дорогу, а рядом было депо, и по ночам Стёпу нередко будил грохот отцепляемых от локомотива товарных вагонов.

Теперь завод был переделан в общежитие для гигов – окна криво заколотили чем попало, комнаты кое-как расчистили и обустроили, насколько это могли себе позволить их нынешние владельцы. Сейчас тут проживало около двадцати человек. Район, конечно, выглядел довольно мрачно – но таким, как они, было практически нечего опасаться. Ворам поживиться тут было совершенно нечем, приличная публика и вовсе обходила подобные места стороной, а окрестная шпана сюда соваться боялась – всё-таки здешние обитатели находились в слишком уж другой весовой категории. Периодически, правда, им били стекла и писали на стенах обидные

слова краской из баллончиков, но обитатели этого здания давно уже перестали обращать внимание на такие мелочи.

Стёпа поравнялся с корпусом и ступил на идущую вокруг завода дорожку. Под ногами начал приятно похрустывать гравий – они сами насыпали его в один из субботников около месяца назад. Вообще они каждую неделю старались хоть как-то улучшить прилегающую к унылому серому зданию территорию, используя для этого подручные средства, и постепенно их работа приносила плоды – завод всё более походил на нормальное человеческое жильё.

Стёпа подошёл к огромной железной двери, раньше служившей воротами для поездов, налёг на неё плечом и вошёл внутрь.

За дверью начинался длинный, широкий, тускло освещённый коридор. Стены его были собраны из разного цвета и размера листов фанеры, уходящих далеко вверх – под самые потолочные балки, крытые кровельным железом. По обеим сторонам коридора двумя рядами шли большие двери, такие же разношёрстные, как и всё вокруг.

Стёпа шагнул внутрь коридора, вдохнув носом тёплый дух общежития – смесь старых запахов металла и смазки, оставшихся от поездов, с ароматами готовящейся на кухне еды и влажных древесных панелей, – и зашагал в сторону своего жилища.

Он уже подходил к своей комнате, когда большая соседняя дверь вдруг тихонько скрипнула и из-за неё осторожно выглянул дядя Виталик. Сначала в приоткрывшемся проёме показалась только его огромная голова; затем, убедившись, что пришли свои, дядя Виталик сделал пару шагов и выбрался из комнаты целиком.

Он был очень большой, чуть ли не в два раза больше Стёпы. Впервые увидел своего соседа, Стёпа по-настоящему испугался. До этого он никогда не встречал таких больших гиггов, поэтому весь облик дяди Виталика – огромные руки и ноги, исполинский рост – всё это произвело на Стёпу неизгладимое впечатление. Но больше всего, конечно, его напугало лицо, и в особенности – огромные глаза и зубы. Когда он увидел их вблизи, что-то внутри непроизвольно сжалось от страха, хоть он и понимал, насколько это глупо. Потом, конечно, испуг прошёл – тем более, что дядя Виталик оказался приятным и очень добрым человеком. Он почти всё время сидел дома и выращивал у себя в комнате разные растения, а по вечерам писал стихи и песни – как-то раз он прочитал Стёпе парочку, и тот поразился: оказалось, душа у его соседа даже больше, чем вмещавшее её в себя тело. У дяди Виталика была даже специально изготовленная каким-то другом гитара, на которой сосед очень любил поиграть длинными свободными вечерами, которых у него было так много. Совсем недавно эта гитара была для Стёпы поистине гигантским инструментом, но в последнее время он с грустью замечал, что она становится всё меньше и меньше. Гитара, понятное дело, оставалась такой, какой и была, – просто Стёпа рос, и однажды этот инструмент должен был прийти к нему как раз впору.

Но первые впечатления от встречи Стёпа запомнил хорошо – и теперь ему проще было понять людей, иной раз в ужасе шарахавшихся от него на улицах.

– Гулял, брат? – улыбнувшись, вместо приветствия сказал дядя Виталик. Он старался говорить негромко – все они старались держаться тихо, но бетонные стены завода неизбежно усиливали звук. – Тебе тут письма пришли, – и он, наклонившись, протянул на своей могучей ладони два маленьких квадратика бумаги.

– Спасибо, дядь Виталь, – с чувством сказал Стёпа, задрал голову вверх. – Как ваше здоровье?

– Ой, да ничего! – Огромные губы соседа растянулись в улыбке. – Спина вот только побаливает, врач приезжал, прописал какой-то крем, дал даже рецепт – да только где ж я на свою поясницу столько крема куплю? Обычный тюбик я и открыть-то с трудом могу, а большого объёма его для нас не делают, – он грустно развёл руками. – Ладно, не буду грузить тебя, брат. Пойду я. – И дядя Виталик так же тихонько, как появился, скрылся за дверью.

Стёпа несколько секунд задумчиво смотрел ему вслед, затем вытер ноги о расстеленный на полу коврик, вошёл в свою комнату и заперся на замок.

Его жилище представляло собой небольшую, по меркам гигов, комнату с высоким потолком. Когда-то на этом заводе стояли огромные машины, перемалывающие камни в мелкий песок, – в наследство от них здешним обитателям досталась противная жёлтая всепроникающая пыль, которую они до сих пор не могли до конца вычистить из своих комнат. Комнаты были отделены друг от друга высокими перегородками, которые жильцы делали сами, отыскивая стройматериалы на заброшенных стройках в округе.

Сейчас в Стёпиной комнате стояла только расправленная ещё с утра кровать, стол с разбросанными на нём учебниками и книгами и несколько чашек и кружек на табуретке в углу. Есть все готовили на общей кухне, построенной в конце коридора.

На стенах, выкрашенных в разные цвета, висели картины – найти большие холсты, кисти и краску не составляло труда, и Стёпа любил зарисовывать пейзажи окраин, подолгу сидя на улице где-нибудь неподалёку. Картин набралось уже с пару десятков, и редкие Стёпины гости не раз советовали ему попробовать предложить своё творчество в какую-нибудь галерею. Стёпа, впрочем, всегда смущался и никогда не принимал подобных идей всерьёз, считая их обычными проявлениями вежливости.

Он разулся, снял куртку, повесил её на крючок возле двери и сел к столу. Включил настольную лампу и достал лупу – ему уже трудно было разбирать мелкий рукописный почерк обычных людей.

Стёпа повертел в руках конверты. На одном стоял адрес администрации района, на другом – больницы, в которой он состоял на учёте, а третье письмо было от родителей. Немного подумав, он надорвал первый конверт. Из него выпал обычный казенный бланк с гербом. Стёпа развернул его.

Здравствуйте, уважаемый Степан Александрович!

Мы подробнейшим образом изучили предоставленные вами данные о заброшенных и пустующих помещениях нашего района и выражаем Вам огромную признательность за столь скрупулёзно собранную информацию.

Также мы очень сочувствуем Вам и Вашим коллегам, находящимся в столь необычном положении.

К сожалению, администрация нашего района не может бесплатно предоставить Вам помещения, так как все они находятся в собственности у разных владельцев, и юридически мы не имеем права распоряжаться этими объектами. Поэтому мы готовы перенаправить Вашу просьбу в специальные организации, занимающиеся проблемами людей...

Стёпа скомкал бумагу и кинул её в стоящую в углу мусорную корзину. Дальше можно было не читать. Юридически не можем то, не можем сё... Когда надо, у администрации юридически получалось абсолютно всё, что угодно. А если судить по тем письмам, которые он иногда получал в ответ на свои ходатайства, они только и могут, что вежливо сливаться, рассыпаясь в извинениях. С тех пор, как Стёпа поселился здесь, он, пообщавшись с другими гигами и послушав истории об их жизни, задался целью что-нибудь сделать для их небольшой общины. Казалось, для этого не очень много надо: большинство его соседей были работающими и спокойными – всё, что им было нужно, по сути, так это место, где они бы могли бы заниматься своими делами. Гарик, например, отлично вырезал по дереву, но так и не смог найти себе достойной работы – либо ему физически не хватало места, либо он сталкивался с непреодолимыми предрассудками работодателей. Поэтому он давно хотел открыть свою мастерскую. Саня и Дэн готовы были помогать ему в этом. Учитывая физические данные всех троих, они

могли бы очень продуктивно работать, но всё упиралось опять-таки в место. У остальных обитателей общежития тоже были идеи, как извлечь выгоду из своего положения. Но и им нужна была хоть какая-то минимальная помощь.

А в этом районе было очень много старых, заброшенных цехов – с большими потолками, как раз таких, какие им требовались. С выбитыми окнами, с грязными, в подтёках, стенами, эти корпуса давно стояли без дела, заваленные мусором и вонючими тряпками. Но все попытки Стёпы выяснить, кому они принадлежат, и хоть как-то договориться с их владельцами терпели неудачу. Везде он получал отказы – обычно холодно вежливые, как это письмо, а где-то ему просто велели убираться к чертям ещё на входе.

Ну ладно, что тут грустить. Может, в другой раз повезёт.

Вторым было письмо из больницы.

В нём не было ничего особенного – напоминание явиться для планового осмотра и диагностики в приёмное отделение клиники, специализировавшейся на изучении синдрома феноменального роста. Попросту – изучавшей гигов, как они сами предпочитали себя называть.

Такие письма Стёпа получал регулярно, и в большинстве случаев он тоже просто выкидывал их в мусорку. Зачем ему каждый месяц таскаться в больницу? Ну, осмотрят его, возьмут кровь, ощупают, потом разведут руками и отпустят, дав напоследок рекомендации, которые он слышал уже сто раз.

Всё, что ему нужно было знать, он услышал в тот самый, первый свой визит в больницу, который ему не забыть никогда.

Дело в том, что где-то до десяти лет нарушение роста никак нельзя диагностировать. А после десяти человек начинает быстро и безудержно расти – и до сих пор учёные так и не придумали, как бороться с этим. В двенадцать лет Стёпа обогнал по росту всех сверстников – поначалу ему даже нравилось это, он начал уверенней чувствовать себя в классе, но потом он стал всё чаще ловить на себе обеспокоенные взгляды родителей и слышать робкие перешёптывания одноклассников за спиной. А потом его привели в эту клинику, где доктор, посадив Стёпу перед собой в чистом, светлом кабинете, сообщил ему информацию, обрушившуюся на двенадцатилетнего мальчика, как ком земли.

За какие-то ничтожные десять минут он узнал, что к тридцати годам он, Степан, станет монстром, ростом больше чем вдвое превышающим нормального человека.

Поначалу это просто не укладывалось в голове. Позже повзрослевший Стёпа, кое-как свыкшись со своей особенностью, рассудил, что это лучше, чем СПИД или рак, или просто нелепая смерть от ДТП или ещё какой-нибудь ерунды. Но тогда мир рухнул для него, и каждый раз, как Стёпа оказывался в кабинете у врача, он неизбежно вспоминал тот самый первый визит. И тогда тоска и чувство несправедливости наваливались на него, как в тот день, и снова хотелось выскочить из больницы и бежать, рыдая навзрыд, не разбирая дороги, – чтобы потом без сил упасть в незнакомом парке, закрыв лицо руками и стараясь не видеть никого и ничего вокруг.

Он скомкал листок вместе с конвертом и отправил в корзину вслед за предыдущим.

Следующим было письмо от родителей – он сразу это понял по характерному маминому почерку, которым был заполнен адрес получателя. Вообще она писала очень мелко, но сейчас старалась писать большими буквами, чтобы ему было удобнее читать письма. Милая, но в тоже время всегда напоминавшая про его ущербность забота. Он надорвал конверт.

Здравствуй, сыночек!

Мы с папой совсем заскучали по тебе и решили написать письмо. Как ты там поживаешь, Стёпушка? Мы с папой очень переживаем за тебя. Нормально ли устроился? Хорошо ли кушаешь?

Папа сильно скучает по тебе. Всё говорит, что сейчас заработает денег, купит нам дом за городом, и мы снова сможем жить все вместе, как и раньше. Но сам знаешь, с работой сейчас не ахти, поэтому когда ещё это случится – одному Богу известно. Но папа не унывает, и тебе советует. Ну а я-то знаю, ты сильный, Стёпушка наш, ты со всем справишься. Так что помни – как только мы сможем, то тут же за город переберёмся. Но сейчас пока, сам пойми, никак. Алёнке надо школу заканчивать, а там и университет, а у неё запросы – огого, даже не знаю, как со всем справимся. Женихи вокруг неё так и вьются, глаз да глаз нужен.

Брабус заболел. Сожрал, наверное, дурила, что-нибудь на улице, всю квартиру загадил, а потом слёз. Мы все перепугались, Алёнка реветь принялась, как потерпевшая. Папа его к ветеринару отвёз, промыли ему желудок, капельницу поставили. Сейчас лежит себе тихо, отходит, так что вроде всё нормально должно быть.

В общем, всё у нас потихоньку. Ты бы в гости к нам заглянул, что ли. Правда, даже и не знаю, как ты в нашей гостинке-то и поместишься теперь, помнишь ведь, как мы живём. Но ничего, ты не расстраивайся, мы тебя не забываем, много думаем о тебе. Хочу вот посылку тебе отправить ко дню рождения, так что ты пиши, какие у тебя пожелания есть, мы с папой постараемся сделать всё. Хотя, конечно, возможностей у нас не так много, сам знаешь.

Ладно, сыночек, буду закружляться, папа с работы пришёл, надо ужин на стол ставить. Папа вот привет тебе передаёт.

Кстати, ты компьютером не обзавёлся? А то могли бы по компьютеру созваниваться, хоть смотрели бы друг на друга почаще.

Целуем, обнимаем и очень скучаем.

Твои мама, папа и сестра.

Прочитав последние строки, Стёпа отложил письмо в сторону и глубоко вдохнул, пытаюсь унять вдруг появившуюся в теле дрожь. Почувствовал, как на глазах проступили слёзы, – он знал, что заплакать всё равно не сможет, никогда не получалось, но иногда ему становилось так невыносимо грустно, что хотелось наложить на себя руки. Вот и сейчас, прочитав это обычное, в общем-то, письмо из дома, он почувствовал, как тоска холодной рукой сжала сердце. Вечные надежды родителей, что всё устроится, рассказы про сестрёнку, их обычную жизнь, частью которой он мог бы до сих пор являться...

Стёпа вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, вынужденным в одиночку бороться с миром, который ещё вчера казался ему таким добрым и открытым, а сейчас с каждым днём становился всё враждебнее и враждебнее, поворачиваясь своими новыми, холодными и колючими сторонами.

От того мальчика, которого ещё помнит его мама, с каждым днём оставалось в душе всё меньше и меньше – а сам мальчик рос не по дням, а по часам. Теперь он огромный ребёнок, доведённый природой до абсурда, – каждый год ему было необходимо покупать новые вещи, потому что он безнадежно и катастрофически быстро вырос из всего, что носил. С одеждой ещё можно было выкрутиться – новая доставалась ему от таких же, как он, товарищей по несчастью, уже выросших из прежнего размера, но о роскоши типа коньков, например, нечего было и мечтать. И цена на них гигантская, да и коньки на один год – увы, у него нет столько денег, чтобы позволить себе такую блажь. Так же, как и компьютер: обычным он уже пользоваться не мог, а о проекторе или огромном мониторе не могло быть и речи.

Стёпа сложил руки на столе и уронил на них подбородок, уставившись немигающим взглядом на грубо покрашенную стену. Так он просидел несколько минут, глубоко дыша и приходя в себя после внезапно нахлынувшего приступа отчаяния. Почувствовав себя лучше, он встал и пошёл на кухню – готовить себе еду.

На кухне он достал из шкафа большую кастрюлю, поставил её на электроплиту и налил внутрь воды. Подождав, пока вода закипит, Стёпа насыпал в неё рис из стоящего в углу большого мешка и начал чистить овощи для салата.

Овощи и крупы были теперь его основной ежедневной пищей. Несмотря на свои размеры, ел он достаточно мало, стараясь ограничивать себя в еде. Иные обычные люди едят больше, чем некоторые гиги – в этом Стёпа мог убедиться лично. А про то, что денег на еду можно тратить в разы больше, покупая жутко дорогие продукты, и говорить нечего.

Мясо Стёпа ел редко. В последнее время он особенно ценил индейку. Крылья и ноги этой исполинской птицы больше не казались ему такими огромными, как раньше, превратившись во что-то типа обычной курицы. Чем индейка будет казаться Стёпе через десять лет, ему думать не хотелось.

Стёпа взял из низкой ванны, служащей им мойкой, свою тарелку, положил в неё дымящегося риса, добавил немного масла и сел к столу. Он задумчиво, медленно жевал, раздумывая, чем занять остаток дня. Надо будет обязательно поучиться – в универе уже накопилась пара «хвостов», – да и пораньше лечь спать. Завтра с утра ему надо на работу, а добираться до неё довольно долго, поэтому встать придется не позже шести утра.

Мысль о работе вдруг выхватила из памяти случай, произошедший с ним вчера.

Во время матча на трибуне возникла какая-то потасовка, и Стёпа, находившийся ближе всех и увидевший вскочивших со своих мест драчунов, первым поспешил разнимать их. Что не поделили два небритых и не очень опрятных мужичка, он так и не узнал, да ему было и не до этого. Запомнилось ему другое – рядом с мужичками, на соседнем кресле, сидела девушка. Успокоив драчунов – для этого Стёпе было достаточно взять каждого в руку и развести в разные стороны, крепко сжав ладонями воротники, – он просто стоял и ждал, когда подспеют секьюрити. А девушка, невероятно красивая хрупкая брюнетка, быстро оправившись от испуга, живо и с интересом разглядывала его, едва заметно улыбаясь. Стёпе было неловко, он краснел и прятал глаза, но все жё пару раз улыбнулся ей в ответ – и её улыбка тоже стала чуть шире. Едва дождавшись охраны – руки у него вспотели, и он переживал, как бы дебоширы не вырвались и не взяли за старое, – он вручил стражам порядка понуро свесивших головы мужиков и поспешил скрыться за раздевалками. Напоследок он украдкой бросил на девушку осторожный взгляд – она помахала ему в ответ. И почему-то сейчас этот случай вдруг всплыл в памяти. Это было приятное воспоминание. Даже очень.

Он почти доел свой скромный ужин, когда в коридоре послышались чьи-то шаги. Через минуту в столовую вошёл Колька.

Колька жил через две комнаты от Стёпы. Ему недавно стукнуло тридцать – Стёпа до сих пор помнит шумную вечерину, которую они закатили по случаю юбилея. Тридцать – это значит, что рост его остановился. Он был намного ниже, чем дядя Виталик, но значительно выше ещё растущего Стёпы. Помимо того, что он был гигом, Колька имел ещё одну особенность. Он был огненно, прямо как-то мультяшно рыжим. Ярко-оранжевые волосы торчали во все стороны, словно клоунский парик, и такими же были его борода и усы, брови, волосы на руках и даже ресницы. Со всем этим избытком рыжей шерсти Колька иной раз напоминал большого льва из зоопарка. Но характер у него был совсем не вяжущийся с образом опасного хищника – с детства привыкший к насмешкам сверстников, он никогда не унывал, на всё у него готова была шуточка или присказка, а с лица не сходила жизнерадостная улыбка. Колька ремонтировал автомобили – у него был старый школьный приятель, для которого Колькин гигантизм не стал препятствием в дружбе, и теперь они неплохо зарабатывали, вместе ковыряясь в машинах в собственной автомастерской неподалёку.

Но сегодня Стёпин сосед был мрачен и задумчив. Он вошёл в столовую, рассеяно поздоровался со Стёпой, с грохотом поставил в углу кухни какой-то мешок, после чего сел на лавку и забарабанил пальцами по исцарапанной ножами поверхности стола.

– Как дела, Стёпк? – спросил он, немного помолчав. Он с самого начал их знакомства необычно называл его, будто спотыкаясь на последней букве и специально не договаривая «а». Звучало это довольно забавно, и Стёпе нравилось такое обращение.

– Нормально, – пожал плечами Стёпа. – Ты как?

– А я что-то заебался, – просто сказал Колька и посмотрел на соседа уставшими красными глазами. – Уехать я хочу отсюда.

– Куда уехать? – недоверчиво посмотрел на него Стёпа, немного опешив.

Колька неопределённо махнул рукой куда-то в сторону:

– За город. Устал я тут. Постоянно в тесноте, на тебя все давят, прохода не дают. На каждый твой шаг – сотня препон. Сил моих нет, – и он угрюмо сжал огромные кулаки.

– А там что, лучше? – с сомнением спросил Стёпа. – Там, куда ты собрался?

– Там? – задумался Колька. – Понимаешь, там только гиги живут. Я уж не знаю, насколько это правда, но к востоку есть места, целые посёлки, где живут такие, как мы. Сами добывают себе пропитание, одежду, что-то производят даже... Но главное, там места много, не приходится унижаться постоянно и спину гнуть, как тут.

– А что случилось-то? – спросил Стёпа, как-то совсем не ожидавший услышать от своего всегда такого жизнерадостного приятеля подобные слова.

Тот махнул рукой:

– Да... долгая история. Не хочу рассказывать. На вот лучше, посмотри, – и он положил перед Стёпой на стол сложенный вдвое лист бумаги. – Прочитай.

Стёпа развернул листок и пробежал его глазами. Это была ксерокопия статьи в каком-то журнале. В ней рассказывалось про особую деревню, полностью построенную людьми с синдромом нарушения роста. Текст повествовал о быте и жизни в этом посёлке, прилагались даже какие-то фотографии, но качество ксерокопии не позволяло рассмотреть их подробно. Да и вообще Стёпе этот листок показался не очень убедительным – мало ли что могут в газете написать?

– Ну, как тебе? – поинтересовался Колька.

Стёпа пожал плечами.

– Не знаю, – неуверенно сказал он. – Вроде привлекательно выглядит, но я бы, наверное, побоялся так вот всё бросить и поехать туда. Далеко это, кстати?

– Довольно далеко, – неопределённо ответил Колька. Он встал и начал прохаживаться по кухне взад-вперёд. – Добираться туда несколько дней придётся, около недели, может быть. На самолёте-то я не полечу. – Он криво, безрадостно усмехнулся.

– Так что случилось-то? – второй раз спросил Стёпа, не понимая, чем можно объяснить такую перемену в его приятеле.

Колька остановился и внимательно посмотрел на него:

– Не дадут нам тут жить спокойно, Стёпк. Тесно здесь – причём во всех смыслах. Ты молодой ещё, этого не замечаешь. А я устал. Устал жутко, полностью, так, что руки опускаются. – Он замолчал, потом махнул рукой: – Ладно, не буду тебя своей ерундой грузить. Мало ли, может у тебя всё иначе сложится, чем у нас всех. Пойду собираться.

Колька, низко наклонив голову, вышел из кухни, а Стёпа, будто оглушенный его последними словами, остался сидеть за столом, слушая, как затихают в коридоре шаги – тяжёлые, медленные. Казалось, что звук шагов каким-то образом вобрал в себя всё мрачное настроение человека, которому они принадлежали.

Есть почему-то совершенно расхотелось. Стёпа встал, переложил остатки риса обратно в кастрюлю, затем помыл посуду, навёл порядок в кухне и отправился обратно в свою комнату.

На улице уже стемнело, и их общежитие погрузилось во мрак – вокруг завода не было никакого освещения, а лампочки в общем коридоре не могли рассеять окружающую тьму, и только тусклый лунный свет пробивался сквозь редкие застеклённые окошки под крышей.

Закрыв за собой слегка скрипнувшую дверь, Стёпа достал кипу учебников, включил небольшой диодный фонарик на батарейках и прилёг на тахту, слушая, как в коридоре топают и негромко переговариваются другие жильцы их общаги, вернувшиеся с работы или других своих дел.

Пролистав пару учебников и сделав несколько кратких конспектов, Стёпа достал последнее задание, по математике. Этот предмет всегда нагонял на него ужасную скуку, и сегодняшний вечер не оказался исключением. Стёпа попытался вникнуть в суть текста, но силы отказали ему – через пятнадцать минут он, немного поклевав носом, уже крепко спал, свернувшись калачиком на своей тахте.

Утром Стёпа, услышав звон будильника, энергично выскочил из-под одеяла, немного попрыгал на ногах и помахал руками, разгоняя кровь по телу, затем быстро собрался и вышел из своей комнаты. Миновав пустой коридор – большинство его соседей ещё спали в такую рань, – он, стараясь не очень громко скрипеть, открыл ворота и вышел на улицу.

За ночь, кажется, успело немного подморозить – приближающаяся осень потихоньку заявляла о себе. Небольшие лужи на растоптанной подъездной дорожке подёрнулись тонкой коркой льда, а изо рта шёл пар – впервые в этом году, отметил Стёпа про себя.

Но солнце уже выглянуло из-за горизонта, и скоро всё растает, уступив место обычному погожему осеннему дню.

Немного постояв, вдыхая полной грудью прохладный воздух, Стёпа повернулся и бодро зашагал в сторону центра. Он прошел пустырь, потом совершенно безлюдный в эти часы парк, затем пересёк железнодорожные пути и углубился в спальный район – одинаковые серые коробки домов сомкнулись вокруг него, приняв в свои безрадостные объятия. На улицах появились и первые люди – они, низко наклонив головы, спешили по своим делам, почти не обращая внимания на происходящее вокруг.

Путь до работы был неблизким. Раньше Стёпа ехал часть дороги на троллейбусе, а потом пересаживался на электричку. Но с некоторых пор езда на троллейбусе стала слишком затруднительна для него – народу на остановках было много, и, устав от постоянного ворчания и издёвок окружающих, он сменил общественный транспорт на пешие прогулки. Постепенно он вошёл во вкус и очень полюбил ходить пешком – тем более что его ноги теперь могли шагать значительно шире, чем раньше. Стёпа нашёл для себя наиболее приятный и короткий путь и получал истинное удовольствие, проходя его раз за разом, погружившись в свои мысли.

Вот и сегодня он почти не заметил, как парк, небольшой лес и окраина спального района остались позади, и он вышел на пустырь, в конце которого виднелась платформа пригородных электропоездов.

Через минуту Стёпа спускался в подземный переход, чтобы выйти с другой стороны путей. Перед самым входом ему пришлось наклониться вперёд и даже немного подогнуть колени, чтобы не зацепить головой грязный, в капельках конденсата потолок. Переход был, слава богу, не очень длинным, поэтому сильного дискомфорта он не испытал. Люди, увидев Стёпу, спешили расступиться в стороны, бросая на него осторожные взгляды. Только бомж, которого он уже встречал в этом переходе не раз, завидев Стёпу, приветственно оскалил гнилые зубы и поднял руку со сложенной лодочкой грязной ладонью. Стёпа улыбнулся, пошарил в кармане и кинул бродяге монетку. Понятно, что этому человеку нужна только его мелочь, но от него тоже шарахались «нормальные люди», и этим он был Стёпе отчасти ближе, чем все остальные.

Миновав переход и с облегчением выпрямившись, Стёпа приложил карточку к считывающему устройству турникета, прошёл по перрону до конца и встал в самом углу, возле двух столбов, поддерживающих силовые провода. Тут он чувствовал себя наиболее безопасно и спокойно, слившись со стеной и стараясь вести себя как можно более незаметно.

Перрон постепенно заполнялся спешащими на работу людьми. Вскоре с востока раздался едва различимый свист – машинист разгонял перебегающих пути людей, и через несколько минут состав вынырнул из-под арки и затормозил, скрежеща железом и погромыхивая вагонами.

Стёпа, оторвавшись от стены, сделал несколько шагов к составу и встал около передней двери, стараясь не смотреть по сторонам.

Двери распахнулись. Опять низко, почти вдвое, согнувшись, Стёпа вошел внутрь, стараясь не толкать копошащихся под ногами людей. Протиснувшись в вагон, он подошел к окну, достал из сумки кусок линолеума, положил его на пол и сел сверху, поджав ноги. Стоящие вокруг пассажиры, неодобрительно косясь, отодвинулись от него и вернулись к своим делам. Стёпа, стараясь не обращать на них внимания, вытащил книгу и уткнулся в неё. Да, кто-то считает, что сидеть на полу неприлично, но ехать всю дорогу согнувшись пополам – нет уж, извольте. А занимать сидячие места Стёпа не осмеливался уже давно – после того как одна крикливая бабка устроила такой скандал, что ему пришлось выйти из состава, не дождавшись своей остановки. Он хорошо запомнил, как стоял на совершенно незнакомой станции и глотал душившие его слёзы, беспомощно озираясь по сторонам и не понимая, что же делать дальше.

После того случая он какое-то время вообще не ездил на электричках, но потом нехватка времени и новая работа вынудили его вернуться к этому виду транспорта.

Ехать на поезде было относительно недолго. Перегоны тут длинные, и Стёпа, низко наклонив голову, внимательно читал книгу, взятую недавно в библиотеке университета. Боковым зрением он видел только обувь ходивших вокруг людей – маленькие, аккуратные разноцветные ботиночки, туфельки и кеды семенили туда-сюда вокруг его грязных потрёпанных кроссовок, выглядящих тут как ржавые списанные танкеры возле причала для нарядных прогулочных катеров.

– Следующая станция – «Спорткомплекс», – вдруг услышал он трескучий голос машиниста из динамиков, расположенных прямо у него над головой.

Надо собираться, ему скоро выходить. Сунув книгу в рюкзак, Стёпа поднялся на ноги и встал, снова согнув спину и втянув шею.

– Простите, вы выходите на следующей? – стараясь говорить тихо и как можно вежливей, спросил он у стоящей перед ним женщины в платке. Та повернулась, увидела нависшего над ней Стёпу, на секунду замешкалась, но потом ответила, глядя ему прямо в глаза:

– Да, выхожу. Вы не переживайте, выпустим вас, – добавила она и отвернулась.

– Спасибо, – сказал Стёпа, чувствуя, как разрастается где-то внутри чувство благодарности за этот простой и, в общем-то, обычный ответ. Что поделать, теперь приходится ценить такие вещи.

Поезд, дёрнувшись, остановился, и Стёпа, бормоча извинения, начал проталкиваться к выходу. Через несколько секунд жмущаяся возле дверей толпа выплюнула его, и он снова вздохнул с облегчением, оказавшись на улице.

От станции «Спорткомплекс» до работы было совсем рукой подать, и уже через десять минут Стёпа вошёл под свод ледовой арены.

Ему нравилась его работа. Кому-то покажется, что работать техником на катке – удел не самых продвинутых людей, но ему было плевать на подобные мнения. Здесь было просторно; высокий потолок, увешанный фермами со звуком и светом, не нависал над ним, как крышка гроба, а воздух был всегда чистым, свежим и прохладным. Плюс – тут царила какая-то своя, совершенно непередаваемая атмосфера. Дух соперничества, борьбы и азарта, казалось, не покидал это место, даже когда часть освещения была выключена, а лёд погружался в полумрак. Пережитые эмоции будто до сих пор витали вокруг крохотных стульчиков на трибуне, наполняя пространство вокруг каким-то особенным, застывшим электричеством.

Утром Стёпе почему-то нравилось бывать на арене больше всего. Он медленно прогуливался возле трибун, убирая мусор, выгребая от бортов ледяную крошку и наводя порядок на скамейках игроков.

На сегодня дел было немного. Убрать из раздевалок лишнюю форму, разнести воду, подготовить лёд. С первым он покончил быстро, а вот с катком не хотелось торопиться. Что-то завораживало его в этом процессе. Машина, заливающая лёд, медленно скользила по исчерпанной коньками поверхности, оставляя за собой гладкую блестящую полосу – будто гигантская механическая улитка, совершающая свою неспешную задумчивую прогулку. За рулем, конечно, было тесновато, но на машине не было крыши, поэтому Стёпа мог спокойно высидеть на ней нужные полчаса, расставив в стороны колени и наклонившись к рулевому колесу. Как ребёнок, выросший из игрушечной машинки, подаренной на день рождения несколько лет назад, – грустно подумал он, случайно увидев своё отражение в плексигласовом ограждении коробки.

Проезжая очередной круг мимо сектора С, он увидел место, где сидела та девушка. Он снова вспомнил её взгляд – пронзительный, цепкий... будто прожигающий насквозь. И в нём не было того, что Стёпа так привык видеть в глазах смотревших на него людей, – не было отвращения, брезгливости... и не было страха. Он всегда старался прятать глаза от женщин – ведь большинство из них видело в гигах угрозу, озлобленных без женской ласки и внимания троллей, способных на что угодно. Как морально, так, тем более, и физически.

А у неё не было этого и в помине. Было что-то другое, но что... Возможно, Стёпе просто не доводилось сталкиваться с такими взглядами раньше. Он кружил по катку, стараясь думать о чём-нибудь другом, но хрупкая красавица всё равно не выходила у него из головы. Стёпа пытался прогнать от себя эти мысли – таким, как он, нечего даже и думать соваться к обычным женщинам, можно кучу проблем выхватить, зачем они ему. Но получалось плохо – он раз за разом мысленно возвращался к красному платью, будто светящемуся на трибуне.

Закончив подготовку катка, он загнал машину в подсобку и вышел обратно к коробке. Потянувшись и размяв затёкшие ноги, он встал, сунув руки в карманы, и задумчиво смотрел на блестящий, местами уже схватившийся лёд. Пора идти к себе в подсобку – тесную каморку в задней части арены, где ему приходилось отсиживаться, когда лёд был занят. Сегодня не будет игры – только частные детские секции по хоккею и фигурному катанию, а пугать своим появлением маленьких детей Стёпе было строго запрещено. Теперь он сможет выходить наружу только во время технических перерывов. Забившись в каморку, он достал книгу, помогавшую ему коротать время в такие часы, и углубился в чтение.

День пролетел довольно быстро. Стёпа доделал последние дела, выкинул мусор, оставшийся от последних посетителей катка, и встал возле трибун, оглядывая вновь залитый лёд. Наконец погасил свет и медленно пошёл в сторону выхода.

На проходной он попрощался с охраной, затем, низко наклонив голову, вышел из чёрного хода ледовой арены и тут же обомлел от неожиданности.

Перед ним, метрах в десяти, стояла она.

Сначала Стёпа решил, что ему померещилось или у него совсем уже съехала крыша. Но тут девушка сделала несколько шагов к нему навстречу и помахала рукой. Это был не мираж. Стёпа же, от неожиданности и смущения не в силах сдвинуться с места, молча стоял, ссутулившись, и исподлобья смотрел на неё, низко наклонив голову.

Видимо, устав ждать, когда он пошевелится, девушка подошла ещё ближе и просто сказала:

– Привет.

У неё оказался звонкий и приятный голос. Стёпа почему-то заранее решил, что её голос таким и будет, – словно он слышал его прежде. Но это было абсолютно невозможно. Взяв себя в руки, он, краснея, выдавил в ответ:

– Здравствуйте.

Девушка звонко засмеялась:

– Такой большой, а смущаешься, как ребёнок.

Услышав слово «большой», Стёпа вздрогнул и бросил на неё подозрительный взгляд – но нет, она не хотела его обидеть или унижить. Это прозвучало легко и непринуждённо, без какого-то подтекста и дополнительного смысла. Не дав ему опомниться, она продолжила:

– Меня зовут Надя. А тебя? – Она с любопытством смотрела на него, ожидая ответа.

– Стёпа, – буркнул он и снова покраснел.

– Стё-ё-па, – протянула она и засмеялась. – Это как дядя Стёпа – великан из стишка?

Ой, прости! – Она прижала ладонь ко рту, но глаза продолжали лукаво блестеть.

Стёпа слышал разные вариации этой шутки и раньше, но только сейчас она показалась ему совсем не обидной. Он смущённо улыбнулся:

– Вроде того.

– Тебе куда идти?

Он неопределённо махнул рукой в сторону:

– Туда. Но мне далеко.

– Можно, я прогуляюсь немного с тобой? – просто спросила девушка.

Стёпа, слышавший такой вопрос чуть ли не впервые в жизни, не нашёлся что ответить и молча кивнул.

Они неторопливо пошли по аллею бок о бок. Стёпа шагал, изредка поглядывая на свою спутницу сверху вниз, совершенно не зная, о чём говорить.

– Спасибо тебе, – сказала она, подняв голову вверх и перехватив его взгляд. – За то, что утихомирил тех двух уродов. Я уже думала, что и мне достанется.

Стёпа пожал плечами:

– Не за что. Любой на моем месте сделал бы то же самое. – Он смутился и отвёл глаза в сторону.

– Ну, не знаю, – задумчиво протянула Надя. – Я не уверена. Но это не важно на самом деле. Главное, что это случилось.

Стёпа посмотрел на неё и снова смутился. Он вдруг понял, что ему трудно выдерживать её взгляд. Или это он уже совсем отучился смотреть людям прямо в глаза? Она же смотрела на него, явно не заморачиваясь, не боясь и не испытывая какой-либо неприязни – Стёпа видел это совершенно отчётливо в её живых, будто светящихся изнутри глазах, с любопытством изучающих его.

– А потом я подумала, что было бы здорово пообщаться как-нибудь с тобой вживую, – продолжила говорить Надя. – Мне показалось, что ты интересный человек. И потом, мне ещё никогда не доводилось видеть такого большого парня. – Она дёрнула его за рукав куртки: – Надеюсь, тебя не обижает, когда я так говорю?

– Нет, – чуть охрипшим голосом сказал он и негромко покашлял, прижав ладонь ко рту. – Знаешь, особо ни у кого не возникает желания со мной говорить и обсуждать подобные вещи. Кроме знакомых, естественно. Поэтому я себя чувствую неловко, если честно.

– Ну, это ничего страшного, – сказала она и замолчала, будто что-то обдумывая.

В парке вокруг них было тихо и спокойно – разве что порывами налетал ветер, бросая им под ноги задумчиво шуршащие жёлтые листья.

– Так что, мы будем дружить? – вдруг спросила она всё с той же свойственной ей простотой, и Стёпа, в который раз за этот вечер, опять покраснел.

– Ну... э-э... не знаю... ну да. То есть, конечно да, – выдавил он из себя.

– Смешной ты, – негромко засмеялась Надя и показала рукой куда-то в сторону: – Пойдём туда, там есть очень красивый пруд. Был там?

Стёпа мотнул головой, и они свернули на одну из боковых тропинок.

Домой Стёпа вернулся уже глубоко ночью. Последние два километра до дома он пробежал – просто захотелось услышать шум ветра в ушах и дать выход рвущимся наружу эмоциям. Сердце колотилось в груди, как молот, а в душе искрилось и переливалось какое-то совершенно новое, незнакомое ему чувство.

На самом-то деле, ничего особенного и не произошло. Они просто гуляли, болтали о том о сём – поначалу разговор не клеился, но потом Стёпа немного расслабился, и общаться стало значительно проще. А Надя, кажется, и вовсе не знала, что значит стесняться: она говорила, рассказывала о себе, задавала вопросы Стёпе – причем некоторые из них приводили его в ступор: даже со своими друзьями из общаги он обычно не затрагивал тех тем, которые обсудили они с Надей, медленно слоняясь по парку. И всё это было так непохоже на то, с чем ему приходилось сталкиваться ежедневно... Поэтому Стёпа и бежал, перескакивая встречающиеся на пути препятствия, как заправский спринтер, и душа его, казалось, летела впереди него. Ему не хотелось думать сейчас о том, что эта дружба не может длиться вечно, и что они вообще, можно сказать, люди разных видов, – сейчас ему было плевать на это всё. Он просто упивался своими эмоциями и был абсолютно счастлив.

Ввалившись домой, он быстро разделся и со всего размаху запрыгнул на угрожающе заскрипевшую тахту, после чего зарылся в одеяло и закрыл глаза, перебирая в памяти события и картинки прошедшего вечера... Вот они идут вдоль пруда, и он протягивает ей руку, помогая взобраться на бордюр, а она заливисто смеётся, заметив его смущение от контраста большой и грубой Стёпиной лапы и её узенькой ладошки. А позже они сидят на лавочке, и Стёпа, вконец успокоившись, рассказывает про свою работу, учёбу – а она слушает, широко раскрыв глаза. На самом деле слушает, а не делает вид. Таких картинок было много – и сейчас они роились у него в голове, словно бабочки над благоухающим весенним лугом.

Стёпа поворочался и взял с тумбочки телефон. Сняв блокировку, он увидел выскочившую на экран надпись – «Получено новое сообщение». Лицо тут же расплзлось в улыбке – перед тем, как попрощаться, они конечно же обменялись телефонами, и сейчас он был на сто процентов уверен, что знает, от кого это сообщение.

«Спокойной ночи. Надеюсь, мы ещё увидимся», – прочитал он, и радость, и без того зашкаливающая, взорвалась в сердце тёплой волной. Он снова погрузился в воспоминания, ещё такие живые и яркие, но минут через двадцать усталость взяла своё, и Стёпа крепко уснул.

Следующие две недели прошли для него будто в каком-то сне. Учёба, работа, все проблемы отошли на второй план. Стёпа даже перестал замечать косо поглядывающих на него на улицах людей – теперь ему было просто наплевать на них. Они с Надей встречались почти каждый день, в основном гуляли в окрестностях или смотрели вместе хоккейные матчи, и он ждал этих встреч, как истосковавшийся по свету астронавт ждет солнца после полугодовой лунной ночи.

Иногда, после особенно волнительных моментов в их общении, он, хоть и ненадолго, погружался в депрессию, и это были крайне тяжёлые для него дни. Мысли о будущем часто загоняли его в такое состояние. Ведь он боялся даже мысленно произносить про себя слово любовь, понимая, что такие отношения совсем не для него – любовь ведь означает желание быть вместе всегда, физическую близость... но об этом не могло быть и речи. И всё же, глядя на Надю, когда они в очередной раз гуляли где-нибудь подальше от людей, он несколько раз едва сдерживался, чтобы не признаться ей в любви. Но здравый смысл всегда брал верх, и Стёпа лишь краснел, сопел, но прекрасные и в то же время страшные для них обоих слова так и не сорвались с его уст.

Вот и сейчас Стёпа, пережив очередной подобный приступ чувств, медленно шёл рядом с Надей и, чтобы отвлечься, глядел себе под ноги. Его огромные, старые, латанные-перелатанные кроссовки шлёпали рядом с её туфельками, как два разваливающихся корыта. Надеюсь, от них хоть не воняет, подумал он, и ему захотелось провалиться под землю от стыда.

– Стёпа, а почему ты ни разу не позвал меня в гости? – вдруг совершенно неожиданно спросила она.

– В гости? – смутившись, переспросил он. – Ну... не знаю даже. Мне как-то не приходило это в голову. Да и потом, вряд ли тебе там будет интересно. Общага и общага... – Он замолчал, не зная, что добавить.

– Зря ты так думаешь, – немного склонив голову набок, сказала Надя, глядя на него снизу вверх. – Мне очень интересно, как ты живешь. Пойдём к тебе?

– Ко мне? – Стёпа был совсем ошарашен. Мысли позвать её в гости действительно даже не посещали его, и сейчас он лихорадочно соображал, не оставил ли в комнате чего-то такого, что могло бы смутить его ещё больше.

– Ну, пойдем, – решился он. – Только это далеко, надо ехать на электричке.

– А я не тороплюсь, – улыбнувшись, с вызовом сказала Надя, и Стёпа в очередной раз подивился решительному характеру этой красивой и такой хрупкой с виду девушки.

Через час они уже шли по пустырю, раскинувшемуся на подходах к их заводу. Стояла отличная погода, но густая трава уже пожелтела и высохла, прихваченная ночными заморозками, поэтому пустые банки, крышки и прочий мусор повылазили на свет, превращая живописную зелёную лужайку в обычный загаженный пустырь.

– Свинарник тут у нас, – негромко сказал Стёпа, заметив, как Надя оглядывается по сторонам. – Зато когда снег выпадет, опять красиво будет. Летом и зимой мусор не видно, а осень и весна – его время. Мы убираем по чуть-чуть, но пустырь вон какой огромный, так что весь не скоро разгребём. – Он пнул очередную лежащую возле тропинки жестяную банку. Та, весело позвякивая, улетела в кусты.

– Да это вообще не важно, какой тут вид. Но вы, конечно, молодцы, – сказала Надя, проводив банку взглядом. – А вон там что? – спросила она, указав рукой вперёд.

Стёпа поднял глаза.

– А это и есть мой дом, – смущённо улыбнулся он, увидев высунувшуюся из-за холма громаду заводского корпуса. – Ну, то есть не только мой, конечно, – чуть помедлив, добавил он.

Через несколько минут они уже входили в открытые Стёпой ворота общаги.

– Забавно тут у вас, – сказала Надя, с интересом оглядывая огромный для неё коридор, в котором они оказались.

Стёпа внимательно посмотрел на неё – но ничего, кроме любопытства, не читалось на её лице. Они медленно прошли вглубь и остановились возле входа в Стёпину комнату.

Стёпа неуклюже ковырялся в замочной скважине, когда соседская дверь тихо скрипнула.

Он повернулся и увидел дядю Виталика, робко выглядывающего из своей комнаты. Стёпа улыбнулся ему, затем перевёл взгляд вниз.

Надя, казалось, превратилась в маленькую статуэтку. Она, задрав голову, смотрела на Стёпиного соседа, широко раскрыв рот и замерев на месте.

– Привет, Стёпка, – деликатно покашляв в кулак, сказал дядя Виталик. – Ты знаешь, тут дельце к тебе есть... Ой, ты не один, – спохватился он, разглядев внизу Стёпину гостью, и тут же попятился обратно к себе. – Простите, пожалуйста, – смущённо забормотал он. – Старый стал, вижу совсем плохо, – он бросил на Стёпу виноватый взгляд.

Стёпа стоял, совсем растерявшись и не зная, что делать.

– Ничего-ничего, – наконец пришла в себя Надя. Её голос непривычно тонко прозвучал в стенах этого странного общежития.

Дядя Виталик ещё раз сконфуженно улыбнулся и закрыл за собой дверь. Стёпа наклонился и посмотрел на Надю. Та улыбалась, но круглые глаза выдавали её – он явно успела не на шутку испугаться.

– Уфф, – выдохнула она и встряхнулась. – Я как-то не готова была увидеть твоего соседа. Прости, если повела себя невежливо.

Стёпа, не зная, что сказать, неловко пожал плечами и продолжил ковыряться в замке. Через пару минут тот поддался, и они вошли внутрь.

Настроение было подпорчено. Всё вокруг опять казалось Стёпе уродливым и нелепым, и он, предложив Наде присесть на тахту, отвернулся и стал разгребать заваленный рабочими вещами стол.

Она же, с ногами забравшись на постель, рассматривала развешенные по комнате картины.

– Это чьи? – спросила она, показав рукой на стены.

– Мои, – повернулся Стёпа. – Так, балуюсь иногда.

– Ничего себе – балуюсь! – с чувством сказал Надя и встала на ноги, рассматривая висящую рядом с ней картину. – Да ты просто талант! Тебе надо делать выставку, дружище!

Стёпа улыбнулся:

– Все так говорят.

– Да потому что так и есть! – Она перешла к другой картине и привстала на цыпочки, чтобы лучше её рассмотреть. – Слушай, а среди таких, как вы, есть известные художники?

– Среди гигов? – переспросил Стёпа. – Да, есть. Но немного. Есть один уличный художник известный, точно, да и вроде ещё есть... Но как они добились признания – я не знаю. Сложно это, никто не хочет иметь с нами дело.

– Правда? – переспросила Надя. – Странно. Мне этого не понять.

Стёпа пожал плечами и начал собирать разбросанную на столе бумагу. Повисла неловкая пауза.

– Слушай, а почему вообще так происходит? – спросила Надя. – Ну, с ростом? Я, честно говоря, совсем немного об этом всё знаю, – она смущённо развела руками.

Стёпа посмотрел на неё и положил сложенные листы на полку.

– Как нам объясняли в больнице, это последствия глобального медицинского эксперимента, который проводили очень давно, несколько поколений назад. Тогда учёные придумали какую-то вакцину, сильно повлиявшую на генетический код человека. Это открытие было настоящим спасением от многих проблем. Поначалу всё шло отлично – но со временем у этой вакцины обнаружились побочные эффекты. Их несколько, и один из них как раз состоял в том, что у некоторых препарат вызывал бурный рост – и в итоге стали появляться люди, вырастающие в несколько раз больше, чем все остальные. – Стёпа бросил на Надю осторожный взгляд и продолжил: – Но нас не так уж много. И поэтому мы не представляем для основного общества большой проблемы. – Стёпа грустно усмехнулся. Настроение безудержно скатывалось в какую-то депрессивную пучину. – Каждый сам выкручивается, как может. Устраивает свою жизнь по мере возможностей. Я вот живу так, – и он обвёл рукой своё скромное жилище.

– И что, все гиги растут одинаково? – спросила Надя.

– Нет, – ответил Стёпа, взяв тряпку, и начал протирать пыль с полки над рабочим столом. – Есть разные степени отклонения в генах. Это называется индексом роста.

– А какой у тебя индекс роста?

Он бросил на неё короткий, болезненный взгляд, затем отвернулся и сгрёб со стола мятую бумагу и прочий мусор.

– Восемь, – негромко бросил Стёпа, не оборачиваясь.

Максимальный индекс нарушения роста равнялся десяти. Но и восемь означало, что где-то к тридцати годам Стёпа будет примерно в пять раз выше обычного человека. А уж выше Нади, наверное, и вовсе раз в шесть. Это если он вырастет до среднего роста гигов. А если ему суждено стать высоким даже по их меркам – тут и представить трудно, каким он окажется. Одно точно ясно: их с Надей будет разделять пропасть. Она станет для него маленькой и хрупкой куклой, а он для неё – огромным монстром, способным неловким движением руки переломать ей все кости. Что тогда случится с их дружбой?

– Понятно, – сказала она. – Хотя на самом деле ничего не понятно.

Стёпа повернулся, внимательно посмотрел Наде в глаза и пояснил:

– Это значит, что к тридцати я стану таким же, как мой сосед.

В комнате повисла тягостная пауза. Чтобы хоть как-то сбить напряжение, Стёпа начал разбирать разбросанные по столу ручки и карандаши. Несколько штук упало на пол, и Надя, легко спрыгнув с кровати, начала помогать ему.

Стёпа сел на корточки, сравнившись с ней ростом. Она успела поднять закатившиеся под стол карандаши и сейчас протягивала их ему, глядя прямо в глаза.

– Прости, пожалуйста, если я смущаю тебя, – мягко проговорила она. – Просто мне всё это интересно, я никогда вблизи не сталкивалась с такими, как вы. Нет, ну я, конечно, слышала, что такое бывает, но чтобы вот так... – Она смущённо потупилась.

– Да ничего, – печально улыбнулся Стёпа. – Ты зато общаешься со мной. А большинство людей просто шарахаются в сторону, как от прокажённого, совсем не думая о том, что я точно такой же человек. Просто большой. Но я же в этом не виноват!

– Виноват – в чём? – вдруг спросила Надя, вновь сев на кровать и поджав ноги. – Я вообще не понимаю и не вижу разницы, если честно. Ну допустим, я – маленькая, а ты большой. Какая разница? Я и для своего круга невысокая и хрупкая, а для тебя, наверное, вообще мелкота. Но меня это не особо пугает.

– Таких, как ты, совсем немного, Надь. Поверь мне, – добавил Стёпа.

В памяти вдруг всплыла бабка, оравшая на него в электричке. Как маленькая собачонка, брызгая слюной, она изрыгала проклятия в его адрес, а в глазах – Стёпа хорошо запомнил этот момент – застыла смесь панического страха и ненависти. Зная, что он не сделает ничего в ответ, она изливала на него свою злобу, но боялась при этом до чёртиков – и если бы он просто рывкнул на неё, она бы в ужасе смылась куда подальше. Но – все гиги знают это – позволять себе такого нельзя.

– Знаешь, я много общался с людьми – с обычными людьми – на тему устройства жизни гигов, – сказал Стёпа, с трудом прогнав образ мерзкой бабки из головы. – И в большинстве случаев люди – обычные – ведут себя отвратительно. Никто не хочет делать для нас ничего – даже когда и делать-то ничего не надо. Если бы нам дали землю – которой полно вокруг, да и старых задний, никому не нужных, куча, – мы бы смогли жить нормально. Но людям либо лень, либо жалко сделать хоть что-то. Только в нашем районе пустует около пятнадцати зданий, там ничего не строится и никогда не будет. Но ответ везде один – нет.

– Но ведь это всё чьи-то активы, – робко возразила Надя. – Кому-то они всё же принадлежат.

– Да, понятно, – завёлся Стёпа. – Активы, пассивы... инвестиции, банки... займы. И прочее, прочее – я уже слышал все эти слова. Ну и что с того? Это всё маленькие слова маленьких людей. Нам они так же бесполезны, как их маленькие и жутко дорогие вещи. А ведь нам не так много надо. Мы можем работать, можем устроить так, что всем будет комфортно. Ведь места – много. Чертовски много! – Он в сердцах хлопнул себя ладонью по коленке.

Звук отразился от бетонных стен завода и получился слишком громким. Надя вздрогнула, и Стёпа пожалел о том, что сделал. Он всё время забывал, насколько просто её напугать. Она сидела совсем рядом, изящная, прекрасная, как произведение искусства... Он задержал на ней взгляд и смущенно отвёл глаза.

– Прости, пожалуйста, – виновато сказал он.

– Да всё в порядке, – тихо ответила она. – Продолжай.

– Да что тут продолжать, – пробормотал Стёпа. – Всё же и так понятно. Места – полно. Почему не дать его тем, кому оно реально нужно? Знаешь, ведь у гигов не так уж много радостей. И... они простые, обычные. Человеческие. Вполне понятные. Но нет – лучше построить ещё один убогий, никому не нужный торговый центр и набить его маленькими, бестолковыми

и дорогими вещами... Чем сделать что-то реально хорошее и полезное для всех. Или просто отдать землю тем, кому она так нужна, – обычным людям, понимаешь? Таким же, как вы...

Стёпа поперхнулся и закашлялся, стараясь быть как можно тише – ему казалось, что кашель гремит под бетонными сводами подобно пушечным выстрелам. Он бросил на девушку короткий смущённый взгляд.

Надя сидела на диванчике и задумчиво смотрела в сторону большого, затянутого мутной плёнкой окна, поджав ноги и закутав подбородок в воротник водолазки.

– Нам не нужны рестораны с квадратными тарелками, не нужны машины с отделкой из древесины дорогих пород, – продолжил Стёпа. Ему было трудно остановиться – чувство несправедливости вновь завладело его разумом, обжигая, растекаясь по телу, как кислота. – Одну элитную машину можно легко обменять на такое вот заброшенное заводское здание. Ну и зачем она нужна? Зачем тратить столько сил, энергии, ресурсов, чтобы сделать абсолютно, по сути, бесполезную вещь? Главная задача которой – это чтобы она стоила как можно дороже. Сделать машину для гига обошлось бы в десять раз дешевле. Но никто не хочет этим заморачиваться. Мы даже едим меньше, чем некоторые обычные люди. Нам нужно только пространство, место. Но оно стоит огромных денег. Хотя его вокруг – полно.

Стёпа встал и заходил по комнате, стараясь унять волнение.

– Знаешь, как мне обидно, Надь? Я рос обычным мальчиком, в обычной семье. Ходил в школу, учился, играл во дворе. А потом мне сказали, что скоро это всё закончится, я вырасту в чудовище, и мне придётся как-то выкручиваться, изворачиваться, придумывать что-то... Просто чтобы выжить. В мире, казавшемся мне раньше совершенно привычным и дружелюбным. И никто не объяснил мне, как и что мне делать. Понимаешь? – Он остановился и посмотрел на неё.

Надя, поджав губы, по-прежнему сидела и смотрела в тусклое окно.

– Надь? – тихо спросил он.

Она повернулась и посмотрела на него. Сердце Стёпы сжалось – она никогда не смотрела на него так. Кажется, он слишком увлёкся своими рассуждениями и чем-то обидел её.

– А я в чём виновата перед тобой, Стёп? – с вызовом сказала она. – Я-то тут при чём? Да, я обычный человек, как все те, с кем ты общался. И что с того? Я тебя что, обижала как-то, оскорбляла? Чего ты срываешься на меня?

Стёпа заморгал и густо покраснел.

– Я... я не срываюсь, Надь... Я просто... ну, просто поделился с тобой тем, что накипело. Прости меня.

Она, слегка склонив голову набок, молча смотрела на него.

– Вот ты всё время говоришь – мы, вы... Ты сам давно поделил людей и считаешь нас – пусть так, пусть я тоже «они», – Надя горько усмехнулась, – считаешь всех нас сволочами. А с «нами», если уж на то пошло, ты хорошо знаком? Ты пообщался с чиновниками, с быдлом в транспорте и решил, что всё обычные люди – дерьмо. Так?

Стёпа смутился и отвёл глаза:

– Да нет же, Надь. Я ведь, можно сказать, недавно узнал, что я гиг. Это же нельзя выяснить в совсем маленьком возрасте. Так что раньше я был обычным ребёнком, жил с папой и мамой... мечтал о будущем, как выучусь и буду работать. А сейчас... сейчас я не знаю, как всё сложится. Я с каждым днём вижу, что всё больше людей начинают косо смотреть на меня, мне всё тяжелее ходить по улицам... Всё тяжелее выносить все эти испуганные и настороженные взгляды.

– А ты уверен, что всё это ты не придумал себе сам? Что не все, кто на тебя смотрит, видят в тебе уродо-переростка? А это ты, ты сам замечаешь только плохое? – резко спросила Надя, перебив его.

Стёпа фыркнул и бросил на Надю болезненно-насмешливый взгляд. Это уж слишком.

– Уверен, – коротко сказал он и замолчал. Потом, не утерпев, заговорил снова: – Тебе легко рассуждать об этом – может так, может эдак... а я живу с этим каждый день. И не надо мне тут объяснять, что я всё это себе надумал.

Несколько секунд в комнате висела напряжённая тишина.

– Знаешь что? – вдруг сказала Надя, немного подумав. – Надо тебя вывезти куда-нибудь. Развеешься, на людей посмотреть. Чтобы ты не думал, что вокруг все такие плохие. Что скажешь?

Стёпа недоверчиво посмотрел на неё.

– Не думаю, что это хорошая идея, – с сомнением сказал он.

– А по-моему, хорошая! – воодушевленно заявила Надя и подвинулась к нему поближе. – Давай, я все устрою. Обещай мне, что теперь ты придешь ко мне в гости. Я же к тебе пошла, не побоялась. А ты боишься, – и она шутливо ткнула его острым маленьким кулачком в бок.

Стёпа улыбнулся. Аргументы Надя привела железные, тут уж ничего не попишешь.

– Хорошо, – вздохнул он. – В гости так в гости. Только зачем это?

– Да просто так, – весело сказала она. – Надо тебе развеешься. А то ты забился тут в свой угол, озлобился на всех и продолжаешь дальше уходить в эту свою пучину. Но вообще ты ведь не такой, я же знаю.

Стёпа улыбнулся и легонько коснулся её руки:

– Это ты уникальная, Надь. Таких, как ты, больше нет.

– Да брось, – засмеялась она. – Ты просто боишься с людьми говорить. Сколько вон сопел и пыхтел, пока я тебя разговорила. Не у каждой девушки на такое терпения хватит. Всё, давай поговорим о чём-нибудь другом.

Остаток вечера они больше не спорили, находя более спокойные темы для разговора. Напряжение, возникшее между ними, прошло, и они мирно болтали, потом пили на кухне чай, готовили вместе ужин, шутили, дурачились. Уже ночью, после того как Стёпа проводил Надю до ближайшего спального района, посадил там на такси и вернулся домой, он решил, что больше никогда не будет говорить с ней на болезную тему. Всё-таки эта хрупкая девушка и правда была будто из какого-то другого, параллельного мира. Не большого и не маленького – а просто нормального. А ещё ему впредь никогда не хотелось бы ловить на себе её обиженный взгляд.

Стёпа уже и забыл про данное им обещание, когда однажды, спустя пару недель, вернувшись домой из университета, он получил от Нади сообщение.

«Не планируй ничего на вечер. Я заеду за тобой через пару часов, где-то в семь», – сухо сообщила эсэмэска, которую он прочитал на экране своего старого мобильного телефона. Сначала Стёпа не понял, о чём речь, но потом вспомнил – он ведь обещал сходить к ней в гости. И Надя, видимо, намеревалась дожать взятое с него обещание.

Стёпа хмыкнул и растянулся на диване, глядя в лоскутный потолок своего жилища. Значит, ему придётся съездить к ней в гости и познакомиться с её родственниками, или друзьями, или с кем-то ещё. Может быть, даже с родителями – эта мысль и позабавила, и расстроила его одновременно: знакомство с родителями, такой волнительный момент для пары... да ведь только они не пара, и никогда не смогут ею быть. Впрочем, обещание есть обещание, и надо его исполнять. Спихватившись, он посмотрел на часы – до назначенного Надей времени оставалось совсем немного, а он и не начинал собираться. Надо торопиться.

Стёпа встал с дивана, прошел в угол комнаты и открыл стоявший на полу большой ящик, который заменял ему шкаф. Там ровными стопками лежали его немногочисленные вещи. Он вытащил самые из них приличные на вид, разложил на крышке и стал осматривать. Отложил тёплый балахон с капюшоном, доставшийся ему уже тут, от одного из жильцов, и пару тёмных штанов из крепкой рабочей ткани – самые чистые и новые вещи его гардероба. Не то чтобы совсем без дырок и потёртостей, но они, по крайней мере, аккуратно заштопаны и постираны.

Беда только с обувью – сейчас у него была всего одна пара кроссовок, да и те выглядели совсем плачевно.

Вздыхнув, он отложил одежду в сторону, взял с полки рядом большую простыню, которую использовал как полотенце, и пошёл в душ.

Душем живущим здесь гигам служила комната в углу завода, обшитая светло-жёлтым линолеумом. Посредине стояли больше бочки с водой, которые жильцы по очереди наполняли на колонке возле пустыря и приносили сюда. С их силой это было не очень сложно, но воду, тем не менее, все старались расходовать очень экономно. Желаящие могли подогреть её с помощью самодельной горелки с газовым баллоном, но Стёпа предпочитал мыться холодной водой, совмещая помывку с закаливанием.

Вот и сейчас, раздевшись и взяв сделанный из большой кастрюли ковш, он зачерпнул из бочки воды и начал лить её на себя, фыркая и глубоко дыша. Вода была довольно холодной, но так всегда казалось в самом начале – потом же, привыкнув, он даже получал от этой спартанской процедуры удовольствие.

Намылившись и быстро смыв с себя грязную воду, Стёпа прибрался в душе и, завернувшись в простыню, вернулся обратно к себе. Одевшись и причесавшись, он снова посмотрел на часы – до семи оставалось двадцать минут. Стёпа окинул взглядом комнату, соображая, что ему нужно взять с собой, и впервые в жизни пожалел, что у него нет зеркала. Обычно, когда он украдкой ловил своё отражение в каком-нибудь зеркале в городе, он спешил отвести глаза – смотрящий на него оттуда человек всё меньше походил на того паренька, отражение которого он, ещё будучи малышом, с интересом разглядывал в своём родном доме, где жил с сестрой и родителями. Но сегодня он вроде как идёт на свидание, разве нет? Хоть и назвать свиданием это можно было с очень большой натяжкой.

Вдруг прозвучавший с улицы автомобильный сигнал оборвал Стёпины печальные размышления. Он встрепенулся и вскочил с дивана, ещё раз одернул на себе одежду, затем сунул в карман телефон и вышел из комнаты, погасив свет и повесив на дверь замок.

На грязной, засыпанной мусором подъездной дорожке стоял огромный чёрный джип. Даже Стёпе он показался большим – несмотря на то, что для Стёпы эта машина была всё равно мала, ну а маленькая хрупкая Надя смотрелась рядом и вовсе очень забавно. На ней сегодня был светлый спортивный костюм, волосы убраны под кепку в цвет одежде. Спортивный стиль так же ладно шёл ей, как и женственные платья и юбки. Стёпа, на секунду замерев прямо возле открытой двери общежития, стоял и просто глазел на неё, не зная, что сказать.

Девушка заметила его замешательство и улыбнулась.

– Отлично выглядишь, здоровяк, – весело бросила она и засмеялась, открывая дверь джипа. – Залезай.

– Ты тоже отлично выглядишь, – промямлил он, ещё больше смутился и с сомнением посмотрел на приоткрытую дверцу, за которой в полумраке тонул дорогой кожаный салон. – Ты уверена, что я помещусь там? – чтобы как-то избавиться от неловкости, спросил он.

– Уверена. Хорошо сомневаться, мы на этой машине разве что слонов не возили. Я, кстати, лишние сиденья убрала, чтоб тебе удобней было. Давай, смелей.

Стёпа улыбнулся и нырнул в прохладное, приятно пахнущее нутро автомобиля. Сидений внутри и правда оказалось меньше, чем могло бы быть, и он свернулся калачиком на широком и мягком заднем диване, поджав под себя ноги. Машина была явно очень дорогой: мягкая на ощупь обивка, на дверях – отделочные панели из какой-то красивой древесины. Стёпа изумлённо разглядывал интерьер джипа – ему точно раньше никогда не доводилось бывать в таких тачках, и сейчас он весь съёжился, стараясь ничего не повредить и не испачкать.

Надя запрыгнула на водительское кресло и повернулась назад:

– Ну, как ты? Нормально устроился?

– Ничего себе тачка, – сказал Стёпа, разглядывая мигающую десятками лампочек приборную панель и руль, похожий на штурвал какого-то космического корабля из фантастического фильма. – Куда мы поедem, Надь?

Она развернулась обратно и поёрзала на водительском кресле.

– У нас сегодня будет вечеринка, – объявил она, включив заднюю скорость и внимательно глядя на монитор, на котором тут же появилась обшарпанная стена завода, оставшаяся позади джипа. – Блин, еле нашла, как к вам проехать, хорошо ещё, на этом танке где угодно можно проползти.

Стёпа пожал плечами:

– К нам сюда никто на машинах не ездит. Особенно на таких.

– Понятно. Так вот, – продолжила она, – будет вечеринка. Вся моя родня, значит, знакомые всякие, в общем, просто тусовка. Это всё за городом, на вилле, так что тесно там тебе не будет, не волнуйся. Не квартирник, – Стёпа заметил, как её глаза лукаво улыбнулись в зеркале заднего вида. – И отсюда, кстати, не очень далеко ехать – то же самое направление. Так что через пару часов будем на месте.

– Ясно, – сказал Стёпа и повернул голову, рассматривая сквозь тонированное стекло пустырь за окном.

Машину ощутимо потряхивало на ухабах – дорога сюда и правда почти отсутствовала, но джип уверенно справлялся с грязью и ямами, и вскоре они поехали быстрее, а за стеклом замелькали высотки спального района, мимо которого Стёпа почти каждый день ходил на электричку.

Затем высотки сменили какие-то другие, уже незнакомые дома, и вскоре они выкатили на большое, на двадцать или тридцать полос, шоссе. Скорость выросла до какой-то совершенно невиданной – так быстро Стёпе кататься вообще ещё не приходилось. Надя же уверенно управляла мощным автомобилем, маленькая, собранная, утопая в огромном для неё кресле.

– Там, за спинкой, есть вода и что-то поесть, – бросила она, входя в очередной поворот. – Ну это так, на дорогу. Можешь сильно не наедаться, там нормально покормят, – и он снова поймал её взгляд в зеркале.

Стёпа нашёл пакет и достал оттуда пару бутербродов с колбасой – больших, из чуть ли не цельных буханок хлеба. Надя явно сама приготовила их специально для него, отчего у Стёпы сделалось тепло на душе – такой заботы он не встречал с тех пор, как покинул родной дом. Он жевал бутерброды и глазел по сторонам – благо, тонированные стекла машины полностью скрывали его от людей, едущих рядом. Стёпа совсем расслабился, и они с Надей спокойно летели, обгоняя другие машины, слушая музыку и болтая – как всегда, одновременно ни о чём и обо всём сразу.

Поэтому два часа, обещанные Надей, промелькнули как пятнадцать минут. Шоссе снова сменила узкая шестиполосная дорога, а по бокам потянулись молчаливые ели, скрывающие под своими пышными кронами засыпанные опавшей хвоей редкие кустики подлеска. Потом дорога стала ещё уже, а деревья сомкнулись вокруг почти вплотную, погрузив их в таинственный, почти сказочный полумрак, иногда мягко зацепляя машину особенно длинными ветками, которые с легким скрипом касались блестящих бортов джипа.

Вдруг машина плавно затормозила, и Стёпа, чуть приподнявшись на своём месте, выглянул вперёд. Перед ними, отражая яркие световые пятна от фар, стояли высокие ворота из рифлёного железа с нарисованным на них знаком «Проезд запрещён».

Надя посигналила, и через несколько секунд из открывшейся рядом с воротами двери им навстречу вышел охранник в чёрном служебном комбинезоне. Подойдя ближе к двери водителя, он вопросительно замер рядом. Надя, порывшись в сумочке, открыла окно и показала ему какой-то пропуск. Охранник кивнул и в следующий момент, чуть подавшись вперёд, бросил взгляд в салон и встретился глазами со Стёпой. Лицо у него дрогнуло, и его едва заметно

исказила так хорошо знакомая Стёпе гримаса – смесь отвращения, брезгливости и страха. Но, видимо, пропуск, который всё ещё держала своей маленькой рукой Надя у него перед носом, не давал охраннику права задавать какие-либо вопросы. Отшатнувшись назад, он нажал кнопку на пульте от ворот и процедил сквозь зубы:

– Проезжайте.

Надя закрыла окно и нажала на газ. Перед носом у Стёпы ещё раз промелькнул черный комбинезон и то же брезгливое лицо над ним – но тонировка не дала ему возможности опять встретиться взглядом с охранником, чему Стёпа был очень рад. Охранник, конечно, не стоил особого внимания – не к нему же, в конце концов, они ехали в гости, – но настроение у Стёпы заметно упало, и почти забытые сомнения вновь накинудись на него, как стая голодных бродячих собак. А правильно ли он сделал, что поехал сюда? Как примут его Надины родственники? Если они все такие же простые, улыбочивые и прямолинейные, как она, переживать ему нечего. Но в такое чудо Стёпа верил с трудом.

За забором оказалась хорошо ухоженная, аккуратная дорога, часто прерывающаяся холмиками лежачих полицейских, которые без особого труда проглатывала подвеска джипа. По сторонам опять потянулись ограды – но только разные, не такие массивные и скрывающие за собой явно очень дорогие дома: тут можно было увидеть, наверное, все архитектурные изыски, от многоэтажных дачных громадин до вычурных особняков в старинном стиле, с башенками и резными шпилями. Жили в посёлке явно не бедные люди, это было понятно сразу.

Повернув на небольшом перекрестке, Надя проехала ещё пару километров и остановилась. Они приехали.

– Ну, вот и прибыли, – сказала она, заглушив двигатель. – Пассажиры, на выход, – и она, не дожидаясь, пока Стёпа что-нибудь ответит, выпорхнула на улицу и раскрыла заднюю дверь, протягивая Стёпе руку и улыбаясь.

Тот покосился на её миниатюрную, будто игрушечную ладошку и еле сдержал смешок, после чего ухватился за стойку и с кряхтением выбрался наружу, выпрямился в полный рост и расправил затёкшие от долгого сидения в неудобной позе плечи.

Дом, возле которого они остановились, даже по местным меркам производил впечатление. Высокий, в несколько этажей, он был выполнен из светлого кирпича. Стены частично оплетало какое-то вьющееся растение. Стёпа, задрав голову, рассматривал нависший над ним особняк. Окна первого этажа были в два раза выше остальных – кажется, тут и правда можно будет выпрямиться в полный рост.

– Нравится? – спросила Надя, встав рядом со Стёпой.

Тот пожал плечами:

– Да, прикольно.

– Ладно, пойдём внутрь, – сказала Надя и взяла его за руку.

Едва заметные на фоне ограды створки ворот медленно разъехались в стороны, и молодые люди, сделав несколько шагов внутрь, оказались во дворе особняка.

Территория за оградой поражала воображение. Двор был огромен – противоположная сторона терялась где-то вдалеке, а общая площадь, наверное, приблизительно равнялась пустырю возле их завода. Но на этом сходство заканчивалось – тут, понятно, не было куч мусора и диких зарослей сорняков. Напротив, все кусты были аккуратно подстрижены и подсвечены, дорожки выложены натуральным камнем, а трава выглядела настолько аккуратной и зелёной, что Стёпе сначала даже показалось, что она ненастоящая.

Они обошли несколько припаркованных возле въезда машин – все примерно такие же, как та, на которой они приехали, – и повернули за угол дома, тут же столкнувшись с какой-то молодой парочкой.

– Ой, привет, Надюш, – приторно зашебетала ярко накрашенная девица, растянув губы в улыбке.

Подойдя ближе, она поцеловалась с Надей – точнее, чмокнула воздух, слегка коснувшись виском Надиной щеки. Затем девица, всё так же улыбаясь, посмотрела на Стёпу.

– Это Стёпа, – представила Надя, чуть отходя в сторону. – Мой друг. А это Аня и Дима, мои старые школьные друзья.

– Здравствуйте, – сказала Аня и протянула руку.

Стёпа наклонился, чувствуя, как краска заливает лицо, осторожно пожал протянутую ладонь, затем обменялся рукопожатием с парнем.

– Ой, мы пойдём, еще не со всеми повидались! – Аня засуетилась, подцепила своего молодого человека под руку и, помахав пальчиками на прощание, засеменила дальше по дорожке.

Стёпа проводил её глазами. Адресованные ему улыбки и эмоции этих людей были насквозь фальшивыми – Стёпа видел это так же отчетливо, как свои уродливые кроссовки, ставшие ещё более неуместными на фоне всего остального великолепия.

– Неловко мне как-то, Надь, – выдавил он, стараясь говорить как можно тише.

– Ой, да брось ты, заладил, – поморщившись, отмахнулась та. – Всё нормально, не парной. Расслабься, Стёп.

Они пошли по дорожке дальше, плавно огибая дом слева. Им встретились ещё несколько человек – Надя называла имена, но они тут же вылетали из памяти, не задерживаясь в ней больше чем на минуту. Все улыбались – но Стёпа видел, что тут улыбаются одинаково. Он тоже оскалился, стараясь соответствовать остальным, но на душе от этого легче не стало. После очередного «знакомства», он случайно обернулся и заметил, как его новые знакомые о чём-то настороженно шепчутся, поглядывая на них с Надей. Заметив Стёпин взгляд, парочка тут же расплылась в совершенно одинаковых улыбках – будто бы достали их из кармана и быстро прилепили к лицам.

– Так, – сказала Надя, когда они прошли половину двора. – Мне надо зайти в дом ненадолго. Подождешь меня тут? Я быстро.

Стёпа кивнул, и Надя, свернув на очередную тропинку, скрылась за кустами, оставив его одного.

Немного постояв, Стёпа неуклюже побрёл дальше, озираясь по сторонам. Через несколько метров дорожка закончилась, превратившись в большую лужайку с беседками по бокам – тут, видимо, собирались для пикников и игр на свежем воздухе. Несколько человек бродило по лужайке: остальные, в основном парочки, облюбовали себе стоящие в стороне беседки.

Стёпа медленно, низко наклонив голову, пересёк лужайку, выискивая место поукромнее, где его не будет заметно. Он шёл, понимая, что в его положении спрятаться не так-то просто, и почти физически ощущал на себе взгляды собравшихся вокруг людей. Теперь Нади с ним не было, и взгляды были холодные, цепкие, неприятные – словно вокруг него проплывали мерзкие мокрые рыбы, периодически задевая его своими скользкими боками. Улыбаться теперь никто не считал нужным – и всё вокруг стало выглядеть для Стёпы совсем иначе, чем несколько минут назад. Всё стало как обычно.

Миновав несколько пластиковых шезлонгов – одного взгляда хватило, чтобы понять, что ему не стоит даже пробовать садиться на них, – Стёпа увидел одиноко стоявший большой деревянный чурбак: наверное, на нём кололи дрова для расположенного неподалёку под резным навесом мангала. Вокруг никого не было, и Стёпа, ускорив шаг, сел на чурбак и перевёл дух.

Ему стало намного спокойнее – он больше не возвышался над собравшимися, как каланча, да и люди, кажется, стали меньше замечать его, проходя мимо и обсуждая какие-то свои темы.

Стёпа сидел и молча рассматривал собравшуюся публику.

Они были маленькими. Раньше почему-то ему не приходило в голову думать так об окружающих – в конце концов, это он был большим, а остальные-то были нормальными. Но здесь, на этой дорогой загородной вилле, ему показалось, что его окружают именно маленькие люди. Б [о] льшая часть была в возрасте, а молодые вели себя так же холодно и надменно, тем самым уравнивая себя со стариками. Женщины были дорого одеты в разноцветные вещи и увешаны драгоценностями – Стёпа, с высоты собственного роста, видел только блеск побрякушек в свете ярких ламп; мужчины тоже выглядели ухоженными, с кучей аксессуаров вроде шейных платков, запонок или дорогих часов.

Украшения и наряды сверкали и переливались, как маленькие елочные игрушки. Когда он вырастет, подумал Стёпа, все эти люди станут для него размером с пёстрых кукол его сестры. Вон той тётке, например, отлично подошла бы пара кукольных нарядов вместо надетого на неё уродливого балахона, увешанного погремушками.

Нади всё не было, и Стёпа сидел, низко нагнув голову и изредка посматривая по сторонам. Ему хотелось уехать отсюда как можно скорее – всё вокруг давило и угнетало его. Он пытался справиться с собой, но получалось довольно плохо.

Вдруг из дверей напротив него на лужайку вышел маленький, одетый в синий деловой костюм старичок. Он обвёл двор глазами, с кем-то поздоровался, затем увидел Стёпу и пошёл прямо к нему, огибая шезлонги и кивая собравшимся. Стёпа, заметив манёвр старичка, подобрался, состряпал на лице подобие улыбки и принялся ждать, что произойдёт дальше.

Когда старичок подошёл совсем близко, Стёпа встал.

– Здравствуйте, – негромко сказал человек в синем костюме и, чуть помедлив, протянул свою руку Стёпе.

Его ладонь была тонкой и сухой, словно лапка какого-то насекомого. Маленькие глазки буравили Стёпу, как личинки короедов. Так смотрели на Стёпу во всех тех местах, куда он приходил со своими предложениями и идеями. Снизу вверх, но как на большую, деликатную и неприятную проблему – впрочем, не особо значительную, чтобы сильно беспокоиться.

Несколько секунд старичок изучал Стёпу взглядом.

– Я – отец Нади, – наконец заговорил он. – А вы, я так полагаю, Степан?

Стёпа молча кивнул, словно проглотив язык.

Старичок деликатно прокашлялся.

– Не буду ходить вокруг да около. Я привык решать вопросы прямо и без отлагательств – этого требуют законы бизнеса. Поэтому, поймите меня правильно, я совсем не хотел бы вас обидеть. – Он сделал паузу и бросил а Стёпу быстрый взгляд – как сего собеседник реагирует на то, что слышит.

Стёпа всё так же молча смотрел на него, совершенно опешив.

– Я хотел бы поговорить с вами о моей дочери, – опять покашляв, продолжил Надин отец. Голос у него был спокойный, отстранённый и не терпящий возражений – возникало ощущение, что он говорит не с живым человеком, а начитывает инструкции для секретарши на автоответчик. – Я думаю, для вас самого не секрет, что вы Наде абсолютно не пара.

Повисла тишина. Стёпа, ожидая чего угодно, но не подобного разговора, совсем растерялся.

– А кто вам сказал, что мы пара? – спросил он, ещё надеясь, что всё это какая-то дурацкая шутка.

– Вы понимаете, о чём я говорю, – поморщился Надин отец. – Давайте с вами поговорим как мужчина с женщиной. Я помогу вам. Есть отличные места для жизни людей с нарушением роста. Вы же хорошо знаете, что в современном городе вам делать нечего, – он просто не приспособлен для жизни гигантов. Но за пределами городской черты существуют целые поселения, где довольно комфортно проживают ваши братья по несчастью – простите, если я

слишком прямолинеен для вас. – Он скривился в извиняющейся гримасе. – Но попасть туда не просто. А я могу поговорить кое с кем и всё уладить. – Старичок замолчал и уставился на Стёпу своими маленькими холодными глазками.

Стёпа стоял, сторбившись, и разглядывал Надиного отца. Тот едва доходил ему до пояса, и если бы Стёпе захотелось, он мог бы одной рукой взять его за шею и поднять в воздух – так, просто посмотреть, что из этого получится. Интересно, как он будет вещать, барахтаясь у Стёпы в руке?

Внутри появилось какое-то новое, незнакомое ощущение. Этот маленький человек стоит, говорит что-то о помощи, а ведь Стёпа мог бы сейчас сделать так, чтобы о помощи просили они все... Будто что-то, державшее его раньше, вдруг оборвалось в нём и сейчас могло выплеснуться наружу, сметая всё на своём пути. Стёпа, пытаясь унять дрожь в руках, криво усмехнулся и спросил:

– А с Надей вы про это уже говорили? Делились этой вашей идеей?

Надин отец опять поморщился:

– С ней об этом говорить нет надобности. Вы поймите – как вас там, Степан, да? – всё дело в том, что у нас в семье сейчас довольно сложный период во взаимоотношениях с дочерью. Они и так были непростые, но сейчас всё дошло до какой-то критической точки. И я думаю, что вся эта её дружба с вами – не более чем попытка насолить родителям и доказать, что она может поступать так, как ей взбрédёт голову. Наверное, ничего лучше, чем притащить сюда вас, она придумать не смогла. Так что вы уж простите её – такая уж она у нас получилась. – Он развёл руками. – Не знаю, что уж она вам там наплела, – я просто говорю вам всё, как есть. Она хитрая, капризная и коварная особа – и если вы сами этого сразу не поняли, поймите хотя бы сейчас. Я говорю это всё для вашего же блага. – Надин отец замолчал и развёл руками, ожидая Стёпиной реакции.

Обида захлестнула Стёпу с головой, как обрушившийся с горы снежный ком. Он стоял, поперхнувшись словами, и невидящими глазами смотрел перед собой, обдумывая услышанное.

Всё оказалось ложью – эта мысль жгла его, как раскалённый уголь. Их прогулки, разговоры, встречи... всё это дешёвый театр, и он просто стал большой уродливой куклой в руках маленькой капризной девчонки, повздорившей с отцом. Так вот зачем было тащить его сюда, на эту чёртову дачу, показывать его, как диковинное животное, всем этим фальшиво улыбающимся людям.

Надин отец заметил перемену в Стёпе, и в его маленьких глазках засветился испуг.

– Только прошу вас, не делайте глупостей. Понимаю, вам неприятно слышать мои слова, но, как я уже говорил, я могу помочь вам устроить свою жизнь... – быстро заговорил Надин отец, невольно сделав шаг назад.

Стёпа молча встал, сжимая и разжимая кулаки. Только не надделать глупостей, только не надделать глупостей, не надделать...

Вдруг два стоявших по краям лужайки больших экрана вспыхнули ярким светом, и всё пространство вокруг наполнил грохот музыки. Все собравшиеся, зажав от неожиданности уши, повернулись к экранам, на которых начал проигрываться какой-то клип. Произошло это, видимо, совершенно непредсказуемо – даже Надин отец, скривившись, непонимающе обернулся на звук.

Все, опешив, молча уставились на экран.

А на экране было довольно забавное видео двух каких-то типов, которых Стёпа не знал. Со смешным текстом – но собравшиеся вокруг люди почему-то кривились и воротили носы.

Надин отец вдруг пошарил в кармане костюма и достал навороченный коммуникатор. На крохотном экране шла та же запись; сухой звук из телефона вторил ревушей на лужайке аудиосистеме.

– Что ещё за херня? – выругался старик и попытался выключить телефон, но у него не получилось.

С лужайки ему уже махали руками, показывая на уши, – видимо, с просьбой выключить слишком громкую музыку, – и Надин отец, сделав Стёпе знак рукой, отошёл в сторону.

Стёпе же сложившийся переполох помог справиться с собой. Он полностью погрузился в происходящее на экране и слушал песню, не обращая внимания на окружающих его людей. Поэтому, когда через пару минут экран погас, а звук резко оборвался, Стёпа знал, то ему надо делать.

Он резко двинулся мимо тропинок, пересекая лужайку по направлению к выходу. Надин отец что-то кричал вдогонку, но Стёпа пропустил его слова мимо ушей. Ему незачем было слушать этого старика.

Он прошёл мимо беседок, обогнул кусты и увидел ворота, возле которых стояли припаркованные автомобили. Прошел мимо, открыл калитку и оказался за забором, прямо возле Надиной машины. Как он будет выбираться отсюда, думать совершенно не хотелось. Хотелось бежать. Бежать сквозь хвойный лес, дышать чистым воздухом, полной грудью, пока эта вилла и все последние две недели не выветрятся, как страшный сон.

Стёпа застегнул воротник балахона, сунул руки в карманы и пошёл по освещённой фонарями дороге вдоль забора. Он успел пройти всего несколько десятков шагов, когда сзади грохнула калитка и раздался крик:

– Стёпа, подожди!

Он остановился, повернулся и увидел Надю, которая бежала к нему от ворот. Наконец она догнала его и встала напротив, глядя прямо в глаза.

– Куда ты? – Надя смотрела на него, как ни в чём не бывало, лишь в глазах светилась лёгкая тревога. – Что случилось?

– А ты не знаешь, что случилось? – презрительно бросил Стёпа. – Даже не догадываешься?

Она пожала плечами, затем улыбнулась и спросила:

– Может, ты хочешь в туалет? Так он и там есть.

Стёпа фыркнул и мрачно рассмеялся. Смех улетел в кроны окружающих деревьев, зловеще растворившись в темноте.

– Туалет... – Он замолк, не сводя с неё тяжёлого взгляда. Чего тянуть кота за хвост... – Скажи, ты специально притащила меня сюда? Не поделила что-то с отцом, да? И решила припугнуть его дружбой с чудовищем? Так?

Надиндо лицо изменилось, уголки губ медленно сползли вниз.

– О чём ты говоришь? – тихо спросила она. – Ты в своём уме?

– Я-то – да, – ответил он. Злость и обида душили его, и Стёпа уже не мог остановиться. – Я поговорил с твоим папашкой. Очень милый старичок. Предлагал помощь, и вообще... советы давал... – Стёпа снова истерично гоготнул. – В общем, понятно мне всё. И это – те люди, которых ты хотела показать мне? Хорошие и добрые? Да вы все просто клубок напыщенных и лицемерных змей, да нет, даже червей – для змей слишком малы.

– Успокойся, я тебя очень прошу, – всё так же тихо сказала Надя. Её лицо побелело, и она растерянно смотрела на него. – Давай...

– А я-то, дубина, поверил тебе, – перебил он её, не дав договорить. – Думал, ты не такая, как все... А это оказался очередной обман, не более того...

– Стёпа, пожалуйста... – В её голосе послышалась мольба.

– Все вы одинаковые! – вдруг крикнул он, не в силах больше сдерживаться. – Маленькие и лживые, – добавил он, чувствуя, как защипало глаза.

Он был готов вот-вот расплакаться, но нет – здесь он этого не допустит. Не дождётесь.

– Дурак! – Надино лицо вдруг жалобно сморщилось. – Ну и иди! – Голос сорвался на крик. – Иди куда хочешь, если ты не можешь отличить, когда тебе говорят правду, а когда нет! Я тебя держать не собираюсь!

Надя стояла перед ним, маленькая, осунувшаяся, глаза её так и сверкали от гнева и обиды. Она резко повернулась и пошла к дому, потом обернулась, посмотрела на Стёпу и дёрнула створку калитки.

– Придёшь в себя – возвращайся, тут открыто! – бросила она и скрылась внутри.

Но Стёпа не собирался никуда возвращаться. Что бы Надя сейчас ни говорила, он больше не верил ей. Может, она и не совсем такая, как остальные, но он не желал больше разбираться в этом. Он хотел поскорее забыть всё произошедшее, от начала и до конца.

Стёпа шёл, чувствуя, как колотится в груди сердце, размашисто шагая и глубоко дыша. Он почти не смотрел по сторонам, глядя себе под ноги – на ровную матовую полосу асфальта внизу.

Подняв голову, он увидел впереди ворота в ограде дачного посёлка. Рядом стоял охранник – тот самый, что пустил их сюда. Широко расставив ноги, он в упор смотрел на приближающегося Степана, не сдвигаясь с места.

Не доходя несколько метров до ворот, Стёпа остановился и исподлобья взглянул на него. Охранник сохранял всё то же безразлично-надменное выражение лица.

– Открой дверь, – сквозь зубы процедил Стёпа, пытаясь держать себя в руках.

– А что так грубо? – переспросил охранник, подняв бровь.

Стёпа почувствовал, что начинает терять терпение. Даже этот мелкий клоп, какой-то охранник, сидящий тут в будке, как сторожевая собака, считает, что может говорить с ним, как ему вздумается?

– Я могу открыть и сам. – Стёпа сделал несколько шагов навстречу, продолжая сверлить охранника тяжёлым взглядом.

Тот попятился, и Стёпа с мрачным удовлетворением заметил, что коп по-настоящему испугался. Чёрт, он начинает получать удовольствие от того, что его боятся. Быстро сунув руку в карман, охранник нажал на кнопку пульта, и створки ворот с грохотом поползли в сторону.

Чуть ли не сдвинув охранника в сторону плечом, Стёпа вышел наружу и быстро зашагал прочь от ворот. Где-то через час он остановился, чтобы перевести дух, и посмотрел по сторонам.

Вокруг давно стемнело. Теперь его окружал только лес, а над головой разлилось изрезанное острыми верхушками деревьев звёздное небо с одиноко висящей в стороне луной. Было прохладно и тихо, лишь лес вокруг вёл свои негромкие ночные разговоры, шелестя ветками и перешёптываясь листвой.

Стёпа остановился, упал на колени и тихо расплакался. Слезы текли по его лицу тяжёлыми каплями, падая вниз и исчезая в ночной темноте, будто беззвучно растворяясь в ней. Всё смешалось в этом порыве души – усталость, обида, разбитые надежды, тоска по дому... по настоящей, искренней любви. Словно раздираемый изнутри, Стёпа вскочил на ноги и побежал, практически не разбирая дороги. Он бежал что было сил, перепрыгивая и перешагивая всё, что попадалось ему на пути, потом брёл, остекленевшими глазами глядя себе под ноги, снова бежал...

В свою комнату он ввалился почти под утро – натруженные ноги ныли, одежда вся вмокла от пота, лицо покрывала серая дорожная пыль. До шоссе он дошёл без труда. Потом, слава богу, водитель одной из бесконечных тянущихся в город фур сжалился и подвёз его до кольцевой. А дальше Стёпа снова шёл пешком, пытаясь физической нагрузкой успокоить роящиеся в голове мысли.

Он открыл дверь кухни, прошёл к раковине, умылся холодной водой и сел на стоящую рядом скамью.

Отчаяние придавило его, словно огромная чёрная скала.

Ради чего это всё, думал он, оглядывая стены их унылого жилища. Ради чего такая жизнь? И за что она досталась ему?

Всё без толку. Не получится у него сделать тут ничего хорошего. Ни у него, ни у кого-то другого. Им просто не дадут, да и наплевать всем. Никому не нужно, чтобы небольшая кучка уродов-переростков жила счастливо, не чувствуя себя изгоями и отбросами общества.

Вдруг Стёпин взгляд упал на лежащий возле края стола сложенный лист бумаги. Он поднял его и развернул.

Это была ксерокопия, оставленная Колькой. Стёпа развернул его, и вдруг на коленки вывалился ещё один буклет с большими буквами «YesFuture» на внешней стороне.

Стёпа отложил его, не разворачивая, и снова стал рассматривать вырезанную из газеты статью. Рассматривал чёрно-белые, плохого качества фотографии, читал описания, и чувствовал, как в нём что-то меняется. Что-то очень важное, хоть он и не понимал до конца, что же именно. Что-то менялось в нём навсегда. Может, это был тоже рост?

Он встал и медленно пошёл в свою комнату. Оглядел её – за те полгода, что он прожил тут, он особо и не нашёл ничего ценного, разве что картины, висящие на стенах, были ему очень дороги. Но картины – это не проблема, нарисует новые. Он достал свою единственную большую сумку и стал собирать вещи.

Через девять часов Стёпа вышел на последней станции городской электрички и направился в сторону выхода из города. Он пересёк первую городскую стену, миновал полицейский кордон и зашагал по дороге, ведущей на северо-восток. Туда, где его могла ждать совсем другая жизнь.

Город раскинулся по правую руку от него, спускаясь в низину. Отсюда нагромождения коробок небоскрёбов абсолютно не давили на него, превратившись в игрушечные домики, подобные тем, что расставляют под стеклом в архитектурных макетах. Казалось, можно взять из под ног камень, запустить его и проделать в этих хрупких белых кубиках пару чёрных дыр.

Ладно, подумал Стёпа, исподлобья рассматривая картонные домики. Мы ещё посмотрим, что будет дальше. Да, мы растем, и нам с вами не по пути.

А вы всё мельчаете.

Всё ведь развивается, правда? Время не стоит на месте, и рано или поздно оно всё расставит на свои места. Нас станет больше – и однажды маленькие люди не смогут диктовать, как и где нам нужно жить. Поэтому когда-нибудь мы придём, и либо положим вас всех в карман и оставим жить – так, для собственного развлечения, как забавных зверушек в аквариуме, – либо растопчем всё к чертям, заставив отдать нам все эти ваши крохотные и очень ценные штучки, от которых так неоправданно много зависит в мире.

Стёпа перекинул сумку из одной руки в другую, отвернулся от города и ускорил шаг.

Слова

Олег нервно барабанил пальцами по крышке лежащего на коленях ноутбука и тупо смотрел вперед – на стоящую перед ним в пробке машину. Это был старый грязный универсал – правый габарит не работал, на дворнике болталась грязная изодранная желтая ленточка, стекло изнутри покрыто исцарапанной тонировкой. Зрелище не самое радужное. И таких корыт вокруг была тьма – на сотни метров по дороге назад и вперёд от них. Все двадцать полос дороги были забиты машинами, сколько хватало глаз, а сейчас они к тому же почти перестали двигаться, встав наглухо.

Чёрт, с самого утра день не задался, – подумал он. Дома кончился сахар – пришлось пить утреннюю чашку кофе без него, морщась, глотая горькую чёрную жижу; потом – стычка на лестничной площадке с бесноватой соседкой; затем, уже на улице, он вспомнил, что не взял зарядку от компа – пришлось, блин, вернуться. Вдобавок он чуть не застрял в лифте по дороге обратно. Он, конечно, посмотрел в зеркало, как же без этого, но приятно мало – Олег был не чужд суеверий, и такая запутка, да ещё и прямо перед полётом, его не радовала.

А теперь вот ещё и пробка – хотя на этой трассе и в это время он помнит затор только один раз, когда к ним вдруг прилетела какая-то шишка и дороги были перекрыты к чертям.

Он поёрзал в кресле и посмотрел на часы. До окончания регистрации оставалось пятнадцать минут – если сейчас он не улетит, это будет большая, чертовски большая проблема. Олег вздохнул.

– Успеем, нет? – унылым голосом спросил он у таксиста.

– Должны вроде, – нехотя буркнул в ответ тот.

В этот раз за рулем желтого седана сидел пожилой угрюмый мужик в сдвинутой на глаза кепке – классический «води́ла», с заскорузлыми лапами и таким же, кажется, мышлением. Общих тем для разговора у них не нашлось, поэтому приходилось торчать в машине в абсолютном молчании. Казалось, что минуты ползут как улитки, но момент, когда стойки регистрации закроются к чертям, неумолимо приближался. Тогда всё – он не успеет. И это будет крупный провал. А самое обидное, что слетать осталось то всего лишь пару раз. А так – непонятно, что вообще будет. Могут и уволить ведь.

Когда ему, молодому сотруднику консалтинговой фирмы, предложили поучаствовать в этом проекте, его всё устраивало, кроме одного: в течении месяца он должен был восемь раз слетать на мероприятия в маленький замороженный северный городишко, где больше половины времени в году темно, как в заднице, и холодно, как на Луне, а жители – сплошь приезжающие на вахты работники нефтедобывающей отрасли. Да, в общем-то, хрен с ним, какой город, – работа есть работа, но была и другая проблема: Олег боялся летать. Не так чтобы совсем до тряски, но боялся – перед полётом он неизменно выпивал сто граммов виски в дорожных барах при аэропортах и вообще всячески старался думать о чем угодно, но не о полёте. И всё равно – в момент, когда самолёт трогался по взлётной полосе, Олег закрывал глаза и впивался пальцами в подлокотники кресла, бормоча что-нибудь отвлекающее себе под нос. Впивался так, что пальцы белели, – будто таким образом он мог как-то помочь этой чёртовой железной машине оторваться от земли. Да и в воздухе он чувствовал себя немногим лучше – когда все остальные мирно сидели по своим местам и любовались пушистой подушкой из облаков под крыльями самолёта или просто спали, Олег мрачно цепенел в кресле, вяло размышляя о том, что до земли сейчас несколько тысяч метров, и в этой ситуации ремни безопасности и плавательные жилеты под креслами смахивают на издёвку над пассажирами. Они бы ещё акваланги туда клали, ей-богу.

Поток машин лениво продвинулся на несколько метров и снова встал. Олег повернулся, достал сзади сумку и затолкал в неё ноутбук.

Такси снова тронулось, затем набрало скорость и вдруг резко остановилось. Олег поднял глаза и увидел полицейского с поднятой вверх ладонью, напряжённо смотрящего куда-то в сторону. Он повернул голову и вздрогнул.

Через полосу от них, на сыром, темном асфальте стояла маленькая женская машинка. Вернее – то, что от неё осталось. Задний бампер, колёса, часть двери... а потом следовала такая каша, что при взгляде на неё Олегу стало нехорошо. Он увидел руль, вместе с приборной доской вжатый в распластанное заднее сиденье, ярко-алый от крови сдувшийся пузырь подушки безопасности, и отвёл взгляд, чувствуя, как к горлу подкатывает его скудный завтрак.

Дальше стоял ещё один полицейский, возле которого, прямо на асфальте, лежало прикрытое чёрным брезентом тело. Олег содрогнулся, с усилием слотнул и повернулся в сторону обочины, из последних сил стараясь избежать неприятного зрелища. За ограждением дороги тянулись чахлые кусты, утопающие в утреннем тумане, и Олег уткнулся в них взглядом, лишь бы не смотреть на происходящее на дороге.

Такси снова медленно тронулось и поползло дальше, мелко подпрыгивая на ухабах. Олег только успел перевести дыхание, как вдруг его взгляд наткнулся на темный силуэт прямо за стеклом машины, буквально в паре метров от него.

Олег вздрогнул, моргнул от неожиданности и взгляделся в странную фигуру за окном.

Это был молодой парень в мешковатом балахоне с низко надвинутым на лоб капюшоном. Худое бледное лицо, узкие губы плотно сжаты, а глаза – глаза не мигая смотрят в экран небольшого ноутбука перед собой. Правой рукой парень неподвижно, как статуя, держал на ладони компьютер, а левой, будто зависшей в воздухе, что-то быстро набирал на клавиатуре. Казалось, что у него двигаются только пальцы, но двигаются слишком быстро, словно отдельные от всего остального тела белёсые щупальца, подвластные каким-то своим законам.

Журналист какой-то, что ли, подумал Олег. Вот всё-таки ушлая профессия, стоять вот так, возле аварии, что-то хладнокровно печатать... где только что явно умер человек, а то и не один... Олег с отвращением отвернулся.

Такси снова тронулось и начало медленно объезжать ДТП, а через некоторое время набрало скорость и уверенно помчалось в сторону аэропорта. Олег уныло и бездумно пялился в окно, собираясь с силами, – даже если все сложится в лучшем виде, от такси до регистрации придётся бежать, как грёбаному спринтеру, и он просто копил силы, смирившись с тем, что этим утром всё летит чертям под хвост.

Через несколько минут машина резко остановилась перед главным входом в аэропорт. Олег, дёрнув ручку двери, выскочил наружу, затем схватил с заднего сиденья свою сумку и торопливо засеменил в сторону больших стеклянных дверей, стараясь не вляпаться в грязные лужи на асфальте. Толкаясь в очереди на первом досмотре, он то и дело поглядывал на часы, мрачно размышляя над тем, что он будет делать, если всё напрасно и стойки регистрации захлопнутся прямо у него перед носом.

Но он успел. Запыхавшийся, раскрасневшийся, он подбежал к нужному сектору и с размаху шлепнул паспортом о пластиковую столешницу ресепшена.

Сотрудница авиакомпании скосила глаза на часы и вежливо поздоровалась.

– Вы в последний момент, – улыбнувшись, сказала она и забарабанила по клавиатуре, оформляя посадочный талон.

– Пробки, – рассеяно ответил Олег, торопливо роясь в карманах, – он предпочитал переложить всё в сумку заранее, чем потом нелепо копать перед в третий раз пищашей рамкой на личном досмотре.

– Понимаю, – сочувственно сказала девушка и протянула ему документы. – Личный досмотр и досмотр багажа в третьем секторе. Поторопитесь, пожалуйста, посадка на ваш рейс скоро закончится.

Олег, вывалив наконец содержимое карманов в сумку, вежливо кивнул, забрал свои документы и, уже спокойнее, обречённо потопал в сторону последней душой процедуры: в носках, держа руками падающие брюки, доказывать секьюрити, что ты не наштигованный металлом злобный террорист-терминатор.

Автоматические двери плавно раскрылись, и Олег оказался в зале досмотра. Тут было довольно людно – в это время года в аэропортах всегда толпится куча разношёрстных транзитных пассажиров. Перед детектором стояла приличная очередь – кучка каких-то работяг, наверное, летящих куда-то на вахту, пара унылых клерков, молодая мама с двумя неумолкающими карапузами. Замыкал очередь стоящий чуть в стороне парень. Поставив свою обувь на медленно ползущую резиновую полосу детектора, он бесстрастно что-то набирал на своём дешёвом ноутбуке. Парень в оранжевом балахоне с капюшоном.

Олег сразу узнал его. Это же он стоял там, возле той чудовищной аварии, и что-то так же отрешенно печатал на компьютере, ведь так? Всмотревшись повнимательнее, Олег понял, что ошибки быть не может. Но как он успел на рейс, ведь, когда Олег полз мимо на такси, уже изрядно опаздывая, парень невозмутимо стоял рядом, совершенно не торопясь, а сейчас он тут... раньше него? Странно. Олег не видел теперь его лица, но весь его облик, с опущенным капюшоном, чуть подсвеченным лучом экрана, показался ему почему-то довольно зловещим. Олегу сделалось не по себе. Он медленно снял обувь и сунул её в замызганный черный лоток, то и дело поглядывая на странного попутчика. Не хотелось бы, чтобы они летели одним рейсом, всплыла в голове странная иррациональная мысль.

Сняв верхнюю одежду, Олег прошёл в сторону детектора, изредка поглядывая на парня в балахоне. Что же он там делает, чёрт возьми? Игрушка, что ли, какая-то у него в компе, что он оторваться от неё не может? Олегу стало интересно, и он, стараясь не шуметь, встал сзади, совсем рядом с оранжевым балахоном. Чуть вытянув шею, он посмотрел через худое плечо парня, пытаясь увидеть, что же происходит на экране компьютера.

Там был открыт обычный текстовый редактор. Курсор, казалось, ни на секунду не останавливаясь, выбивал на белом, чуть мерцающем поле чистого листа строчку за строчкой. Парень просто молча, монотонно и непрерывно набирал какой-то текст на своём компьютере.

Что он пишет, интересно? Олег подвинул свои вещи по колесикам ближе к рамке детектора и подошёл к оранжевому балахону почти вплотную, прищурившись и пытаясь различить мелкие буквы на белом фоне листа. Наконец ему удалось разобрать несколько строчек.

– ...он отшатнулся от кабинки, с бледным лицом и трясущимися губами. Его новый галстук, казалось, впился в шею, лишая возможности дышать, потому что увиденная картина была слишком, уж больно отвратительной —

прочитал Олег на экране компьютера.

– ...Кто-нибудь, помогите! – крикнул он и схватил за руку только что вошедшего и ничего не понимающего очкарика в мятом сером костюме. Тот молча шарахнулся от него в сторону и вдруг уронил свой дипломат, который упал на кафельный пол с оглушительным, словно выстрел из винтовки, звуком.

Олег заметил сбоку движение и повернулся. Какой-то упитанный господин с важным видом поставил свои вещи рядом и кинул на Олега неодобрительный взгляд – мол, нехорошо лезть в чужой компьютер. Ну и ладно, сами знаем, ничего страшного не случится. Да и потом, оранжевый балахон ничего ведь не заметил. Ему вообще, кажется, всё равно. Писатель, может, какой-нибудь сумасшедший.

Очередь немного продвинулась. Мамаша с детьми кое-как перебралась на ту сторону, и теперь следующим в очереди на досмотр шёл парень с компьютером. Олег опять подтолкнул корзину с вещами, с интересом наблюдая за своим соседом. Парень, кажется, не замечал никого и ничего вокруг, механически, словно болванка на конвейере, двигаясь к рамке детектора.

Наконец оранжевый балахон встал перед рамкой и замер, всё так же, низко наклонив голову, глядя на экран.

– Молодой человек, – сварливо сказала полная некрасивая женщина, сидевшая за монитором на досмотре. – Поставьте, пожалуйста, ваш компьютер на столик, снимите часы, вытащите все металлические предметы и пройдите через рамку.

Парень же, не издав ни звука и всё так же не поднимая головы, медленно поставил ноутбук на столик, сделал несколько шагов вперёд и встал, подняв руки надо головой. Олег посмотрел на его кисти и увидел, что теперь они затянуты в тонкие чёрные перчатки с изображением костей запястья на тыльной стороне. Странные перчатки, мелькнуло в голове у Олега. Как будто часть от костюма Кощея Бессмертного с детского утренника.

Тётка, недовольно скривившись, грубо облапала балахон – Олег подумал, что в нём, наверное, поместится ещё пара таких же парней, до того хозяин балахона оказался худ, и командовала:

– Следующий!

Странный, конечно, всё-таки тип, размышлял Олег, проходя под рамкой. Он облегчённо вздохнул, не услышав противного писка, означавшего повтор процедуры, и спокойно стоял возле ленты рентгена и ждал свои вещи.

Парень в балахоне, не оборачиваясь, забрал лоток и рассеянно пошёл к скамейкам. Поставив ноутбук рядом, он одной рукой продолжил ковыряться на клавиатуре, а другой медленно, как в забытьи, натягивал расхлябанные кеды на ноги. Может, обдолбался чем-то и залипает, подумал Олег. Сейчас каких только чудиков не встретишь, даже в аэропортах стало полным-полно всяких фриков. Почти как на железнодорожных вокзалах.

Олег поднял руки, дав тётке ощупать себя – эта процедура явно одинаково не нравилась им обоим, – затем забрал свою корзинку и прошёл к дальней стене зала досмотра, к большому окну, выходящему на лётное поле.

Запихивая ремень обратно в штаны, он молча разглядывал стоящие самолеты и бегающих вокруг них сотрудников технических служб, казавшихся отсюда человечками из детского конструктора. В голове роились неприятные, но ставшие уже привычными в аэропорту мысли – ну как, как эта огромная, сложная, тяжёлая, металлическая херня может лететь? Олег знал, конечно, про все эти разницы давления возле крыла и прочие физические обоснования, почему всё-таки эти махины летают... Но всё равно, когда он видел медленно отрывающееся от взлётной полосы пузатое тело какого-нибудь исполинского авиалайнера, мозг упорно шептал ему, что это очевидное недоразумение и природа сейчас расставит всё на свои места. Что она, впрочем, иногда и делала, размазывая серебристые туши самолётов по земле, как масло об хлеб.

Так, всё, надо думать о чем-то другом, сказал себе Олег, обулся, подхватил свой дипломат и пошел по коридору к залу ожидания. Сегодня, пожалуй, пропущу граммов сто пятьдесят, решил он, наткнувшись глазами на бар в углу, и тут же направился в его сторону. До окончания посадки оставалось достаточное количество времени, чтобы выпить и заглянуть в туалет. Самое то. Олег терпеть не мог ходить в туалет на самолете. Однажды он подхватил расстройство желудка, и ему пришлось три раза посетить тесную вонючую кабинку в хвосте лайнера. Во время третьего захода началась турбулентность, и Олегу слишком живо представилась картина, как он вываливается из отломившегося хвоста и летит десять тысяч метров вниз, со спущенными до ботинок штанами и вперемешку с корзинками для использованной туалетной

бумаги и прочим неприятным содержимым это комнатки. Отвратительней смерти не придумать. Уж лучше хотя бы сидя с людьми в салоне и одетым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.